

Светлана
АЛЕШИНА

Новая русская

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина

Новая русская (сборник)

«Научная книга»

1998

Алешина С.

Новая русская (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
1998 — (Новая русская)

«Новая русская» – Света Гордеева в панике. Все началось с грубого шантажа и анонимок, затем ее подставили, совершив на ее машине наезд на женщину. Кто за этим стоит? Возможно, недоброжелатели и конкуренты мужа Светланы, крупного бизнесмена, решили действовать через жену? А может быть она кому-то мешает?..Пытаясь помочь любимой подруге, Лариса, скучающая жена «нового русского», решила начать самостоятельное расследование. Ведь события развиваются слишком стремительно...

Содержание

Новая русская	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Алешина

Новая русская (сборник)

Новая русская

Глава 1

Будильник нагло вторгся в предрассветную тишину, прорезая своим унылым сигналом просторную комнату. Лариса с трудом разлепила глаза, протянула руку и нажала на кнопку. Вторжение было с успехом подавлено, но сон уже был безнадежно прерван.

Несмотря на то, что Лариса не отводила свою дочь Настю до школы – ее подвозил на машине шофер, – она считала своим долгом пообщаться с девочкой за завтраком и проводить ее до машины.

Электронные часы, стоящие на телевизоре, показывали шесть пятьдесят.

«Может быть, понежиться еще пять минут в постели?» – спросила сама себя Лариса и тут же отбросила эту мысль. Если она поддастся минутной слабости, то проснется только через час. И хотя живущая в доме гувернантка, разумеется, разбудит Настю, приготовит ей завтрак и соберет в школу, все же Лариса предпочитала сделать все это сама.

Она решительно откинула теплое ворсистое одеяло и, как всегда по утрам, ощутила во всем теле ужасный озноб. И это несмотря на то, что весь ее дом прекрасно отапливался. Как у всех уважающих себя «новых русских», система отопления в доме была автономной и не зависела от капризов начальства городской теплосети.

На дворе стояла вторая половина апреля, но весна в этом году слегка запоздала и никак не желала до конца утвердиться в своих правах. Температура днем выше двенадцати не поднималась.

Лариса запахнулась в свой любимый махровый бело-голубой халат, вышла в просторный коридор и открыла ближайшую дверь.

Там, в комнате, среди всевозможных игрушек и книг, обитало Ларисино сокровище, девятилетняя дочь Настя. В этот рассветный час сокровище еще пребывало в стране грез, где вполне мирно сосуществовали Оловянный Солдатик и Микки Маус, а на приеме у Снежной Королевы вполне могли побывать Карлсон и Чокнутый.

Поверх одеяла, под которым спала Настя, тихо лежал Томагучи. Это новейшее изобретение японцев Лариса приобрела дочери совсем недавно. Та весьма серьезно восприняла проблему воспитания электронных детенышей животных и уже неделю старательно играла роль доброй матери маленького китенка.

Лариса вздохнула. Будить, конечно, жалко, но куда ж деваться... И она ласково затеребила дочь по плечу.

– Настена, пора вставать.

Девочка сморщила нос, издала нечто неопределенно плаксивое и открыла глаза. Вид склонившейся над ней матери не доставил ей особого удовольствия. Это означало, что сейчас надо совершать порядком надоевшие процедуры: из тепла выбираться в прохладу, идти чистить зубы новой суперпротивокариесной пастой, потом в быстром темпе завтракать, про себя негодуя на проклятое безжалостное время, которое не дает никакой возможности сделать все спокойно.

– Мама, дай я еще немного полежу, – сделала попытку оттянуть наступление нового дня Настя.

– Уже семь, – ответила ей мать, и это прозвучало для дочери как приказ.

Настя вздохнула по поводу своей тяжелой детской доли. Маме-то, конечно, хорошо. Ей-то никуда сейчас идти не надо, сиди себе дома и наслаждайся покоем. А у Насти сегодня первым уроком математика, которую она терпеть не может. И было у нее почему-то нехорошее предчувствие, что именно сегодня ее вызовут к доске.

– Давай вставай...

Лариса откинула одеяло, взяла дочь за руки и приподняла ее на кровати.

Настя скорее по привычке, чем от глубоких дочерних чувств, обняла мать, и обе они застыли в немой позе. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но тут в дверь постучали. На пороге появилась гувернантка Наталья Ивановна Семина.

Это была незамужняя женщина тридцати пяти лет, дочь старой приятельницы мамы Ларисы. Она несколько лет работала в школе учителем начальных классов.

Вопрос о ее работе в доме Котовых был решен год назад, в день всероссийской акции учителей против невыплаты зарплаты. Лариса заехала в гости к своим родителям, которые обмолвились о бедственном положении Семиной-младшей. Лариса как раз подыскивала гувернантку, так как собиралась тогда в очередной раз устроиться на работу. Решение она приняла сразу же и объявила об этом своему мужу.

Евгений пожал плечами в знак того, что ему все равно, кто займет это место в его доме.

Лариса же исходила из практических соображений. Наталья уже перешагнула тот возраст, когда обычно заводят семью и детей, и, судя по всему, так и останется старой девой. А это означает стабильность и спокойствие – то, что ценится в любой гувернантке, работающей в семьях так называемых «новых русских». Кроме того, Наталью нельзя было назвать красавицей – она была полноватой маленького роста брюнеткой с носом неправильной формы. Этот момент был также важен, потому что любые намеки на возможность неформальных отношений между прислужгой и ее мужем Ларису не устраивали.

Но в данном случае Евгению было действительно все равно, так как большую часть своего времени он проводил в Москве, навещая семью примерно раз в месяц. Бизнесу, которым он успешно занимался в течение нескольких лет, стало слишком тесно в пределах провинциального города, и Евгений Котов, глава многопрофильного концерна «Антей», переехал в Москву.

Лариса была вынуждена довольствоваться ролью домохозяйки без мужа в роскошной трехэтажной квартире. Общалась она преимущественно с дочерью, изредка с родителями и подругами. Последние в основном были такие же, как она – жены богатых, преуспевающих бизнесменов. С кем-то она поддерживала отношения просто потому, что это было положено по статусу. С некоторыми ее действительно связывала прочная дружба.

Как, например, со Светой Гордеевой. Может быть, еще и потому, что у обеих женщин было схожее положение. У Светланы муж тоже покинул на время родной город, оставив жену одну. Глава фирмы «Гордеев и компания» Игорь Гордеев, владевший в городе сетью магазинов, проходил трехмесячную бизнес-стажировку в Питтсбурге.

Проводив дочь в школу и позавтракав, Лариса устроилась в зале с камином на втором этаже и начала размышлять о том, чем же ей заняться сегодня днем. У нее в голове возникли всевозможные варианты времяпрепровождения: посетить старинную подругу Эвелину Горскую в магазине «Ив Роше» и посплетничать о моде и косметике, поехать к родителям и поговорить о наступающем дачном сезоне или сходить в парикмахерскую. Лариса, глядя на себя в зеркало, подумала, что ей больше пойдет чуть рыжеватый оттенок. Вообще от природы у нее светло-русые волосы, но зимой этого года она превратила себя в платиновую блондинку.

Но с Эвелиной они встречались позавчера, и она не успела по ней соскучиться, дачный сезон Ларису вообще не интересовал, а насчет волос она так до конца и не решила.

«Стоп, а Света?» – Мысли Ларисы вдруг стали удивительно ясными. Она не видела Гордееву уже больше недели. Весьма странно, что она даже не звонила. Может быть, что-то случилось? Обычно подруги переговаривались между собой раз в три дня обязательно.

Лариса прошла на третий этаж в свою комнату и открыла шкаф. Ее взору предстал длинный ряд вешалок со всевозможной одеждой. Покопавшись в гардеробе где-то около минуты, Лариса решила выбрать для визита к подруге новый черный велюровый костюм с белой блузкой.

Это был подарок Евгения на Восьмое марта. Муж утверждал, что Ларисе, как женщине целеустремленной и энергичной, к лицу как раз деловой стиль в одежде. Лариса была не совсем согласна с мужем – она как раз больше любила раскованность и исповедовала более современный стиль, но от подарка грех отказываться. Тем более что костюм стоил полторы тысячи долларов и являлся самым дорогим в коллекции Келвина Клейна.

Лариса взглянула в окно. День обещал быть солнечным, и существовала надежда, что сегодня днем можно будет наконец пройтись по улице без плаща. Правда, Лариса плащ надевать и не собиралась, так как все равно придется сидеть в теплом салоне автомобиля за рулем.

Ее «Вольво» стоял в гараже, в который непосредственно можно было попасть прямо из прихожей квартиры.

Лариса ездила на «Вольво-450» с автоматической коробкой переключения скоростей. Эта машина, славящаяся своей надежностью, тем не менее получила у российских автолюбителей презрительную кличку «женская». Конечно, для любителей автовождения отсутствие рычага переключения передач являлось существенным минусом. Они утверждали, что без него не получаешь удовольствия от управления машиной. Лариса же считала свой автомобиль самым удобным и безотказным из всех иномарок. А она, слава Богу, ездила не первый год и сменила несколько автомобилей: первой ее машиной была банальная «шестерка», потом «девятка», «БМВ» и, наконец, джип «Чероки». Последний автомобиль Ларисе тоже пришлось по вкусу, однако Евгений настоял на том, что он будет ездить на нем в Москве, и угнал машину в столицу, купив жене «Вольво».

Включив электрические щипцы, Лариса привела свою челку в порядок и занялась макияжем.

«Ну вот, кажется, можно и выходить», – подумала Лариса спустя полчаса, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

Лариса взяла белую лаковую сумочку и направилась к выходу из комнаты. И в этот момент зазвонил телефон. Она взяла трубку, которая лежала на ночном столике, и нажала кнопку.

– Алло, Лара? – послышался в трубке обеспокоенный женский голос.

– Света? – удивилась Котова. – А я к тебе собираюсь, уже накрасилась...

– Ларочка, у меня очень серьезные проблемы, – произнесла Светлана с придыханием. – Но я не могу тебе рассказать по телефону. И у себя дома не хочу об этом говорить. Так что лучше я к тебе приеду...

Лариса не успела ничего ответить, как Света оборвала разговор, и из трубки раздались короткие гудки. Она недоуменно покачала головой и положила трубку на место.

«Странная она какая-то. Неужели правда случилось что и мои утренние размышления могут оказаться вещими?» – подумала Лариса.

Она спустилась на кухню, приоткрыла окно и в нетерпеливом ожидании закурила. Курила она мало, одной пачки ей хватало на несколько дней. Ее любимыми сигаретами были «Kent Super Lights», о которых ее муж Евгений Котов, поклонник крепких «Rothmans International», с жаром высказывался в том смысле, что «курить их – все равно что дышать свежим воздухом».

Чтобы скрасить ожидание, Лариса прошла в холл и включила телевизор.

ОРТ торпедировал чувствительные сердца российских домохозяек очередной неправдоподобной историей о латиноамериканских детях, потерявших своих родителей. Родители же, в свою очередь, не могли разобраться между собой и постоянно образовывали любовные треугольники, квадраты и временами даже шестиугольники.

На РТР шел повтор «Сам себе режиссера». Но эту передачу Лариса уже видела в вечернее время.

«Интересно, что у нее за проблемы? – промелькнула мысль в голове Ларисы по поводу звонка подруги. – Наверное, с мужем что-нибудь...» Позвонил из Штатов, наговорил Бог знает что...

Игорь Гордеев был человеком импульсивным и даже резким. Иногда в этом суровом коротко стриженном коренастом мужчине с выдвинутой вперед челюстью проскальзывала какая-то чисто женская эмоциональность. Правда, справедливости ради надо отметить, что эмоциональность эта играла в нем тогда, когда надо было отстаивать вполне рациональные, собственные насущные интересы.

Лариса относилась к Игорю ровно и, можно сказать, нейтрально. Никакого чисто женского интереса он у нее не вызывал. Конечно, он был достаточно видным, в нем чувствовалась мужская сила, и, наверное, в интимном плане он мог доставлять женщинам удовольствие.

Но внутри у Ларисы тем не менее иногда подсознательно возникало ощущение, что она не хотела бы быть на месте подруги. Она не до конца понимала, откуда у нее это ощущение, – Игорь с ней всегда был подчеркнута вежлив и обходителен. Но что-то мешало Ларисе назвать его мужчиной в полном смысле этого слова.

Она пощелкала пультом телевизора, пробежалась по каналам и переключилась на видеомагнитофон. Кассета находилась на середине.

«I'm Going Slightly Mad!» – жеманно утверждал с экрана Фредди Меркьюри, улыбаясь среди желтых нарциссов. Ларисе нравился этот клип. Может быть, отчасти потому, что она сама чуточку начинала сходить с ума. Правда, в отличие от блистательно-несчастливого Фредди, не от предчувствия неминуемого конца, а просто от скуки.

Но... Боже мой! Что же она сидит здесь как истукан?! Сейчас приедет Света. А она так хотела угостить свою подругу новым салатом, который она открыла для себя совсем недавно!

Лариса почти бегом вернулась на кухню и, рывком открыв холодильник, достала оттуда капусту и кусок грудинки. Нашинковав капусту, она порезала грудинку кубиками, включила микроволновку и быстро прожарила ее. Затем смешала мясо с капустой, добавила уксус, сахар, соль и майонез.

Она заканчивала заправку салата, когда послышался звонок в дверь. Лариса взглянула на дисплей домофона, и перед ней предстало сумрачное лицо Светы Гордеевой.

Быстро спустившись по винтовой лестнице, покрытой ковролином, Лариса прошла маленький пустой холл на первом этаже и открыла входную дверь.

– Лара, здравствуй, – сухо сказала Светлана, почему-то оглядываясь по сторонам.

– Привет, – несколько недоуменно ответила ей Лариса.

Она обратила внимание, что макияж на лице у Светы, которая всегда относилась к подобным вещам весьма ответственно, наложен небрежно. Полоска у правого глаза явно была длиннее, чем нужно. Значит, точно что-то у нее не в порядке.

Лариса приложила руки к груди и спросила:

– Света, что такое? У тебя такой вид...

Гордеева снова напряженно огляделась по сторонам и тихо, но вместе с тем несколько раздраженно спросила:

– Может быть, все же пройдем внутрь?

– Конечно, – ответила Лариса и посторонилась, впуская подругу в дом. – Что все-таки у тебя произошло? – спросила она, когда Светлана скинула туфли и надела мягкие домашние тапочки.

– Сейчас я тебе все расскажу, но дай слово, что это все останется между нами, – произнесла Гордеева.

– Света! – укоризненно посмотрела на нее Котова. – Что ты, конечно! Пойдем на кухню, я тебя угощу новым салатом и кофе.

– Спасибо, я есть не хочу.

– Что такое, неужели после вчерашнего? – пошутила Лариса, еще раз стрельнув глазами по лицу подруги. – Вроде непохоже.

Светлана взглянула на нее так, как будто Лариса только что отбила у нее любимого мужчину.

– Мне не до шуток, Лара, – серьезно сказала она.

– Тем не менее салат ты съешь, – твердо заявила Лариса. – Или ты хочешь сказать, что я напрасно готовила? Говорят, в Штатах сейчас этот салат безумно популярен.

Света пожала плечами и молча направилась к лестнице. Даже по тому, что с бежевым костюмом она почему-то надела синюю блузку и черные колготки, которые абсолютно с ним не смотрелись, можно было сделать вывод, что с подругой происходит нечто странное. Лариса проводила Светлану на кухню и положила салат в тарелку.

– Ой, действительно замечательно! – не удержалась Светлана после того, как распробовала. – Завидую я тебе, Лара! У тебя и кнедлики, и мясо по-французски, и салаты! А у меня зачастую терпения не хватает все это готовить.

– Да что там готовить – всего пятнадцать минут! – удивленно воскликнула Лариса. – И все довольно просто, при наличии продуктов-то!

– Ой, Лара! – Света отложила в сторону вилку. – Мне сейчас не до антрекотов, не до салатов, ни до чего вообще...

– Извини, я тебя заговорила совсем. Рассказывай скорее, что случилось.

– Даже не знаю, как начать, – вздохнула Света.

– Помнится, в одном советском фильме студентке, которая не знала экзаменационного билета, профессор посоветовал начать с конца. Вот и ты попробуй.

Гордеева достала сигареты, закурила и тяжело произнесла:

– Залетела я, Лариса, и очень круто...

У Котовой глаза полезли на лоб. Насколько она знала, муж Светланы находится в США уже два месяца. Это с одной стороны. А с другой – не примчалась бы ее подруга к ней ни свет ни заря, чтобы пожаловаться на свою нежелательную беременность. И еще, пожалуй, самое главное, что «залететь» в этом смысле Светлана, страдающая бесплодием, была бы крайне рада.

– Извини, я что-то не понимаю, – растерянно сказала Лариса. – Ты что, бе...

– Меня шантажируют, – прервала ее на полуслове подруга.

– Кто? – Брови Ларисы полезли вверх.

– Ты его не знаешь, – шумно выпустив дым, сказала Гордеева.

– Извини, а чем он тебя... шантажирует?

– Долгая история, Ларочка. – Светлана тяжело вздохнула.

Лариса вполне отчетливо вдруг осознала, что ее подруга не просто так пришла к ней поделиться своими проблемами, а рассчитывает на какую-то помощь с ее стороны. И Лариса в тот же момент решила, что сделает все, что в ее силах, чтобы выручить подругу из беды. В конце концов, это как раз то, чем можно занять время, которого у Ларисы теперь уйма, после того как Евгений переселился в Москву.

– Так. Давай рассказывай все по порядку. На отсутствие времени я не жалею. Чем могу – помогу...

Лариса произнесла эти фразы совсем не по-женски, твердо, беря ответственность за каждое слово.

– Ох! Я проклинаю тот день, Лара! Это было около полутора месяцев назад. Игорь как раз только уехал в Штаты. А я встретила свою старую знакомую, еще по институту. На проспекте днем... Остановились, слово за слово... Выяснилось, что она преподает в политехническом, разошлась, детей нет, и вообще у нее завтра день рождения. Ну, и пригласила она меня. Я сначала идти не хотела, а на следующий день с тоской оглядела свои четыре стены. И пускай они все в английских обоях и отделаны деревом, стенами они быть не перестают...

Света загушила сигарету в пепельнице и снова полезла в пачку.

– Ну, я и решила пойти. В конце концов, Игорь далеко, да и, откровенно говоря, в последнее время у меня с ним не очень-то все и ладилось. Купила ей подарок, бра красивое, германское, кстати, будешь в Центральном универмаге, обязательно взгляни... Ритка очень довольной осталась. О чем это я? – Светлана рассеянно посмотрела на подругу. – Ах, ну да... Вот там, на этом дне рождения, я и познакомилась с этим Са-шей. Алек-сан-дром. Ни-ко-ла-е-вичем. Преподаватель философии в университете, сорок лет, мужчина видный, плечи, усы, все такое... Но это не главное. Он как меня увидел, прямо-таки впился взглядом. Ну, и он мне, в общем, тоже понравился. Д-дура!

Светлана, наградив себя столь нелестным эпитетом, раздраженно стукнула сигаретой о край пепельницы и, по-прежнему держа ее в руках, закрыла голову руками. Помолчав несколько секунд, она продолжила:

– Этот Саша, кстати, женат. На день рождения к Ритке зашел случайно, практически так же, как и я. Они вместе работали раньше в одном институте, только Добров потом в университет ушел, а Ритка в политехе осталась. Может, что и было между ними... Но это неважно! Ну, значит, он подпил, подсел ко мне и начал говорить. Ты представляешь – вот ты, например, умная женщина, ну, я не дура... была, до последнего времени... Но в тот момент я поняла, что все это ерунда. Такой эрудиции и живости ума я еще не встречала.

– Чем же он тебя так поразил?

– Ну, мне трудно это объяснить, – нахмурила лоб Светлана. – Возможно, глупо это... Например, его первая фраза, когда он пригласил меня танцевать: «Ваша мама не желает второй раз стать тещей?» Я, конечно, была несколько шокирована, но в целом меня это, так сказать, зацепило. А потом он долго говорил о том, что вся история, которую мы знаем по книжкам и учебникам, ерунда. Говорил, что Колизей построен в Риме не Цезарем, а четыреста лет назад по приказанию какого-то короля. Что татаро-монгольского ига на Руси вообще не было, что шотландцы на самом деле совсем не шотландцы, а потомки русских, переселившихся туда в незапамятные времена.

– И ты купилась на это?! – Глаза Ларисы округлились. – По-моему, это просто сумасшедший.

– Понимаешь, я не могу сейчас привести тебе всю аргументацию, которой он оперировал, но он говорил все так складно, что возразить я не могла. К тому же... Игорь не знает и десятой доли того, что говорил он. Я ему вообще малоинтересна, кроме, пожалуй, постели... Да и то... Сделает свое дело, отвернется к стенке и захрапит. А на то, что я чувствую, ему, в общем, наплевать.

– Как и большинству мужчин, Светочка, – заметила Лариса. – Мой Евгений недалеко от твоего Игоря ушел... Ну, а что Са-ша? Я так понимаю, что ты можешь сравнивать...

– Ларочка, не иронизируй, пожалуйста. – Светлана снова с укором посмотрела на подругу. – Выслушай все по порядку.

– Извини, – быстро повинилась Лариса. – Я вся внимание.

– Еще он привлек меня тем, что при всей внешней замороченности в нем нет этой пресловутой интеллигентщины, этого отрешенного взгляда на мир через очки. В нем был виден

мужик, – Светлана сделала акцент на этом слове, – и на первый взгляд довольно положительный и основательный. Было видно, что он меня хочет, я поняла это сразу же, когда его увидела. И знаешь, я тоже его захотела... Я давно уже не ощущала ничего подобного.

– И что дальше? – Лариса слушала подругу, заинтересовываясь все больше.

– Дальше? – Света покачала головой из стороны в сторону, и в глазах ее появился какой-то грустный блеск. – Дальше мы поехали на квартиру, в которой до недавнего времени жила его мать – она сейчас живет у нового мужа. Шампанское, цветы, мороженое... Ну, и... В общем...

– Все понятно, – прервала ее Лариса.

– Понятно? – несколько недоверчиво-полувопросительно произнесла Гордеева. – Я тоже думала, что все будет банально и ясно. А на самом деле оказалось, что я ни с кем до этого не чувствовала себя так хорошо, как с ним. Была потрясающая легкость, как будто мы знаем друг друга целую вечность. Ни с Игорем, ни с кем другим до него у меня такого не было.

– А потом вы встречались?

– Да, и не раз.

– На той же квартире?

– Да. Практически через день. Он звонил мне из института, говорил, когда у него между лекциями «окно», мы встречались и шли туда. Иногда сидели в кафе, но это было реже. Я все же опасалась, что меня заметят знакомые. Мне бы еще тогда задуматься о своей безопасности!

Светлана помрачнела и стала нервно тереть одной рукой другую.

– Ты говорила, что он тебя шантажирует... – решила помочь ей Лариса.

– Да, – совсем упавшим голосом ответила подруга. – Это произошло как гром среди ясного неба. Я совершенно не ожидала этого от него. Мы, правда, поругались около недели назад, потому что он пришел на нашу очередную встречу пьяным и нес какую-то чушь. Потом он не звонил, и мы, соответственно, не встречались. И вот вчера он мне прислал письмо, в котором требует от меня ни больше ни меньше тысячу долларов в обмен на неразглашение нашей связи. Мразь!

– Подожди, а как и кому он сможет это доказать?

– Дело в том, что я имела неосторожность тоже послать ему письмо, скорее даже записку, в которой моей рукой все очень откровенно изложено – как мне было приятно в прошедшую ночь и все такое... Он уезжал в командировку в Самару на три дня, сопровождал команду студентов на межрегиональную олимпиаду. Я пришла на вокзал и отдала ему это письмо, подумала, что ему будет приятно почитать его в дороге. Д-дура!

Светлана сжала зубы в бессильной ярости.

– Он грозит все рассказать мужу?

– Скорее не рассказать, а просто сделать так, чтобы это письмо попало ему на глаза.

Лариса сочувственно посмотрела на подругу.

– А если письмо попадет к Игорю, он наверняка меня бросит, – тихо сказала Светлана. – Детей у нас нет и, наверное, не будет... Я, конечно, усиленно лечусь, но... Природа, видимо, обделила меня.

Светлана всхлипнула, ее большие карие глаза наполнились слезами, казалось, что еще секунда – и она разрыдается во весь голос.

– Так, – решительным тоном заявила Лариса. – Мы поедем на встречу с этим мерзавцем, и я найду способ, чтобы заставить его прекратить заниматься этим навсегда. Он в курсе, кто ты такая и кто твой муж?

– Конечно. Правда, узнал он не сразу. Тогда я не придавала этому значения, но сейчас мне кажется, что сразу после этого он как-то переменялся, что у него в глазах появилось что-то нехорошее, недоброе... В последний раз он оскорблял меня, обзывал, говорил, что, кроме миллионов, у меня ничего нет. Тогда, видимо, и задумал это все проделать...

– Кто-нибудь еще знает о вашей связи? – прервала домыслы Светланы Лариса.

– Нет. Теперь знаешь ты. Хотя не исключено, что меня мог видеть кто-то из знакомых вместе с ним в городе.

– Хорошо. Когда назначена встреча?

– Сегодня. В три часа дня.

Лариса достала пачку сигарет, медленно опустилась в кресло и закурила. Она начала напряженно обдумывать ситуацию. В ней проснулся охотничий азарт. Появилось дело, в котором она может принять участие, и весьма активное.

Она вообще была из разряда тех женщин, которые часто повинуются импульсам. Сколько она себя помнила, ей всегда удавались те дела, которые представляли для нее какой-то интерес. Если же интереса не было, дело можно было и не начинать – все равно ничего хорошего из этого не получится. Зато когда дело захватывало ее с головой, ее энергия не знала предела.

Беда Ларисы состояла в том, что интересы часто менялись и конфликтовали между собой. Может быть, поэтому она не достигла высот в карьере.

С другой стороны, преуспевающий бизнесмен Евгений Котов был отчасти обязан своим взлетом именно ей, Ларисе. После окончания мехмата Евгений работал в НИИ, который в те времена, как и вся советская наука, пребывал в состоянии клинической смерти. Полным тюфяком он не был, но и особой инициативы в деле обеспечения семьи не проявлял.

И вот в начале реформ именно Лариса сумела найти ему первый заказ на продажу программного обеспечения, с которого, по существу, и началось восхождение ее мужа по жизненной лестнице. Это уже потом была своя фирма, торговля компьютерами, прибыли, машина, новая квартира...

Сейчас Евгений вполне рулил своей жизнью сам, в жене как великом кормчех не нуждаясь. Лариса же, оказавшись в роли домохозяйки, явно ощущала нехватку внешних раздражителей, которые всегда помогали ей продвигаться по жизни, переходя с одной ступени на другую.

И тут – такое дело.

Докурив, Лариса решительно затушила окурок и с некоторой помпезностью, которая была ей свойственна в различного рода рубежных ситуациях, сказала:

– Этот твой Добров сегодня усохнет. Перестань расстраиваться, лучше выпей кофе. Я купила новый «Моккона», попробуй, лично мне очень понравилось.

Глава 2

Университетский преподаватель философии, кандидат наук Александр Добров уже неделю находился в состоянии прострации. Для этого были весьма веские причины.

Два месяца назад он получил от одной зарубежной организации грант на написание ряда политологических статей. По условиям гранта на покупку компьютера и другие накладные расходы он получил около полутора тысяч долларов. Наличными.

Однако жизнь сложилась так, что технику Добров так и не купил.

В этом была виновата его страсть. К сорока годам он был в расцвете своих интеллектуальных и сексуальных сил. Однако зарплата преподавателя университета не позволяла рожденному быть жуиром и плейбоем Доброву менять женщин как перчатки, как он привык это делать в молодости. Ко всему прочему он был женат, у него был сын девяти лет, и эта сфера его жизнедеятельности также требовала инвестиций.

Был, конечно, иногда на его улице праздник. Но в основном праздничные карнавалы Добров устраивал осенью, после окончания вступительных экзаменов. Тогда его карманы наполнялись щедрыми подношениями от благодарных представителей юга России.

Кое-что перепадало и во время зимней сессии, но это была уже мелочь... Кроме того, Добров женскую часть студенчества предпочитал экзаменовывать «натурой».

Ко всему прочему кандидат философских наук и относился к деньгам весьма философски. Копейку он не берег, а посему рубль на его огороде никак не вырастал.

Женщины, с которыми сводила его судьба, оставались им довольны. Он был щедр и на подарки не скупился. А искушенным в общении с мужчинами дамам не составляло особого труда раскрутить Доброва на траты в свою пользу. Достаточно было того, чтобы Александр Николаевич подпил.

Чуть-чуть... Самую малость...

И хотя Добров не мог назвать себя сыном турецко-подданного, так как в нем текла славянская кровь, несло его после этого никак не меньше.

Он мог, поддавшись минутному, подогретому алкоголем импульсу, истратить на любовницу в один день около тысячи, а следующую неделю пребывать в безденежье, оправдываясь перед женой всеми возможными способами. Но этой весной Александр Николаевич, что называется, особенно загнался.

На сопутствующие женскому празднику мероприятия он спустил около четырех тысяч. Самое обидное для Доброва было то, что сразу после этого он был вынужден по разным причинам расстаться с двумя своими подругами. Можно сказать, что его инвестиции просто канули в «черную дыру».

Но удача вроде бы улыбнулась кандидату наук в середине марта. Он встретил на улице свою старую знакомую еще по политехническому институту, Риту Карбышеву, бывшую одно время его любовницей. Добров вспомнил, что у нее скоро день рождения, и напросился в гости.

И на вечеринке у Риты он познакомился со Светланой, так звали эту пышную брюнетку, завоевавшую чувствительное сердце Александра Николаевича с первого взгляда. Собственно говоря, как утверждал приятель Доброва, его университетский коллега Сергей Семечкин, «для Шурика увлечься женщиной было все равно что сморкнуться». Так что подобный факт никоим образом нельзя было считать сенсацией.

Света оказалась очень хорошей любовницей. На счастье Доброва, его мать, женщина также весьма эмоциональная и сохранившая способность нравиться мужчинам и в шестьдесят с лишним, в очередной раз в своей жизни вышла замуж и ушла жить к мужу. Ее однокомнатная квартира всегда могла, таким образом, доставлять ее сыну радость общения с противополож-

ным полом. Именно там и проходили встречи Доброва со Светланой Гордеевой, женой преуспевающего бизнесмена и владельца сети магазинов.

И совсем вылетело из головы опьяненного весной ученого, что скоро к нему должны наведаться представители Фонда развития свободного человека, который невольно спонсировал авантюрно-любовные похождения Александра Николаевича.

Добров в отчаянии посмотрел на календарь. Совсем скоро... Осталась всего неделя...

Что касается его статей, то за них он был более-менее спокоен. В голове они уже выстроились, и их нужно было только перевести в файлы. Добров умел работать, когда хотел, и работу эту мог сделать за короткое время. Однако за деньги, предназначенные для покупки техники, тем не менее надо было отчитываться.

Необходимо было срочно найти тысячу долларов.

У своих знакомых Добров одолжиться не мог. Во-первых, сумма была достаточно крупной. Во-вторых, занимал он постоянно. Это был своего рода стиль жизни. Жизнь в займы.

Правда, Добров деньги отдавал всегда. Однако сейчас, представляя скептические физиономии своих экономных и рачительных знакомых, которые в очередной раз убедятся, что из Доброва толка как не было, так и не будет, Александру Николаевичу становилось не по себе.

С невеселыми мыслями о жизни и его, кандидата наук Доброва, нетвердом и зыбком месте в ней он и пришел с бутылочкой водки апрельским вечером к другому кандидату наук, доценту кафедры истории средних веков Сергею Семечкину.

Семечкину было тоже около сорока лет, и он, в отличие от семейного Доброва, был разведен. Злые языки, знавшие и того и другого, шутили, что если Доброва можно было с полным основанием назвать Казановой-практиком, то историка Семечкина – скорее донжуаном-теоретиком. Он был долговяз, худощав, мускулатура его была, прямо скажем, не очень развита, и у женщин он особым успехом не пользовался.

– Блин, Серега! – стукнул по столу Добров после третьей. – Скажи, почему у меня все в жизни через мягкое место? Как ты думаешь, а?

– Какое же мягкое, Шура? – удивился Семечкин. – У тебя, по-моему, броня по-прежнему крепка, а танк весьма быстр и пронырлив...

Семечкин красноречиво скосил взгляд в сторону добровских брюк.

– В этом-то и проблема, – тяжело вздохнул Добров, наливая еще по одной.

– Ты скажи поконкретнее. А то мне эта твоя метафизическая обтекаемость уже в зубах навязла!

– Что может быть конкретнее тысячи долларов за неделю?! – сокрушенно воскликнул Добров.

Семечкин нахмурился.

– Кто это тебе предлагает такие деньги? – настороженно спросил он. – Может быть, и я на что схожусь...

Вздох Доброва приобрел оттенок ярости.

– Ты что, вообще, что ли, двинулся там среди твоих любимых итальянских средневековых схоластов? Мне нужно найти за неделю штуку баксов. Иначе...

И он провел ребром ладони себе по горлу.

– Ну, у меня таких денег нет. – Семечкин широко развел руками и выразительно посмотрел на Доброва своими карими глазами.

– А я на тебя и не надеюсь, – мрачно ответил Добров. – Надо где-то брать, а брать негде...

Семечкин задумался.

– А ты говорил, что у тебя подруга какая-то появилась, из богатеньких...

– Ну... И что? – спросил, покачиваясь из стороны в сторону, уже пьяный Добров.

– Как что?! У нее и возьми.

Добров скептически усмехнулся. Потом вдруг нахмурился, посмотрел грозным взглядом на приятеля и стукнул кулаком по столу:

– Гусары денег не берут!

– Ой-ой-ой! – скривился в ухмылке Семечкин. – Какой Денис Давыдов выискался!

– А я тебе говорю, что никогда альфонсом не был! Этого еще не хватало!

– Шура, я и не предлагаю тебе альфонсировать. Возьмешь займы, потом отдашь. Придумаешь причину какую-нибудь повесомее...

Добров сдвинул брови и тупым взглядом посмотрел на остатки водки в бутылке.

– Ну, допустим... – после долгой паузы сказал он. – Допустим, возьму... Допустим, отдам... Но мы с ней, – он сокрушенно всплеснул руками, – рассобачились!

– Милые бранятся – только тешатся! – ответил ему Семечкин. – Ты же философ, и должен это понимать.

И историк, разлив всю оставшуюся водку по стаканам, убрал бутылку на пол.

Она пополнила длинную галерею стеклотары, которая скапливалась у Семечкина за несколько месяцев. Это кончалось обычно в один прекрасный день. На историка под воздействием прочитанной лекции о Реформации и Возрождении напала неожиданная страсть к переменам, и Семечкин за один день наводил в своей квартире образцовый порядок. Чтобы потом в течение нескольких месяцев снова накапливать грязь, пыль и мусор.

– Нет, я на это пойти не могу, – решительно проговорил Добров своему приятелю, прожевывая квашеную капусту после того, как опрокинул последний стакан водки.

– Ну, значит, будут проблемы, – философски заметил историк Семечкин. – С фондом развития этого, как его... свободного человека.

– Я ей такого наговорил в нашу последнюю встречу! А она меня, наверное, любит... А может, и нет... Хрен их, баб, поймешь. Вот, на, почитай, Серега! И скажи, любит она меня или нет!

Добров полез в пиджак и, с минуту поковырявшись нетвердой рукой по карманам, достал оттуда листок бумаги.

– Вот это письмо она мне к поезду принесла, когда я на олимпиаду в Самару ездил.

Семечкин недоверчиво посмотрел на коллегу.

– Читай, читай! – Добров вальяжно раскинулся на стуле и придал своему лицу милостивое выражение.

– Давай, давай! – прикрикнул он, видя нерешительность Семечкина.

Тот взял листок бумаги и развернул его. Потом сдул с него крошки табака и начал просматривать текст.

По мере того, как он продвигался в своем чтении вперед, на лице его расплывалась улыбка, а глаза становились масляными.

– Ну, ты даешь, Шура! – проговорил Семечкин, плотоядно облизываясь. – Хотя в этом смысле я в тебе всегда был уверен.

– Дай сюда! – неожиданно крикнул Добров и вырвал листок из рук Семечкина.

– Я не понимаю, что ты теряешься, – закурив, сказал Семечкин. – Тут черным по белому написано: «Эта ночь была самой лучшей в моей жизни».

– С этой ночи прошло уже около месяца, – уныло заметил философ.

– Ну и что? Повторить всегда не поздно. А потом решить свои проблемы.

Добров не отвечал. Его голова бессильно упала на грудь. Водка взяла свое.

Семечкин пожал плечами, затушил сигарету и отправился прилечь на диван. Потом он неожиданно передумал, подошел к Доброву, взял его пиджак и вынул оттуда записную книжку...

...Как только около полудня Светлана Гордеева заснула в комнате для гостей, ссылаясь на свою усталость после бессонной ночи, Лариса почти забыла о том, что та рассказала ей сегодня утром.

Из школы пришла Настя, которая объявила, что, увы, по математике она получила «тройку». Но главное было не это. Настя поразила мать другим сообщением.

Она очень долго расправлялась с обедом, ее рассеянный взгляд бесцельно блуждал по огромной кухне, рассматривая потолки-армстронги и белые рифленые обои на стенах.

Взгляд девятилетнего сокровища никак не хотел концентрироваться на тарелке, где красовались спагетти по-болонски. Когда макароны с кетчупом упали на платье дочери, Лариса не выдержала.

– Ты что, без головы за стол села? – закричала она, угрожающе надвигаясь на свое чадо.

К ее удивлению, дочь в знак согласия закивала. Флегматично взяв пальцем упавшую макаронину, она засунула ее в рот и ответила:

– Мам, у меня – первая любовь. И, конечно, я потеряла голову. Все теряют, и я потеряла.

Лариса приостановилась и на несколько секунд застыла в неподвижности, переваривая только что полученную информацию.

– И... кто он? – слотнув слюну, спросила она наконец.

– А, так, один мальчик из нашего класса! – уже своим обычным беззаботным тоном сказала Настя, махнув рукой, и снова вяло заскользила вилок по тарелке.

– Я надеюсь, это не...

– Нет, ни за что не угадаешь, мамочка! – весело прервала ее Настя. – Это Витя Кузин.

У Ларисы отлегло от сердца. Витя Кузин был одним из лидеров в классе, весь из себя мальчик положительный и постоянно хвалимый на родительских собраниях. И родители у него тоже были людьми приличными: бородатенький папа интеллигентно-университетского вида и стильная мама с «сессоном» на голове и безупречной косметикой на лице.

Все это мгновенно прокрутилось у Ларисы в голове, и она наконец улыбнулась.

– А я уж думала, что это Леша Иволгин! – вырвалось у нее.

– Мама, меня типы, подобные этому балбесу Леше, не интересуют! – отрезала Настя.

Семья Иволгиных – папа-бизнесмен и мама-домохозяйка – жила по соседству с Котовыми в точно такой же по планировке трехэтажной квартире. Леша был троечником и забиякой. Поскольку он плохо справлялся со школьной программой, родители постоянно нанимали ему репетиторов. При всем при том он выглядел очень солидно: коротко стриженный крепыш с несколько выдающейся вперед челюстью. Несмотря на свои девять лет, он уже сейчас демонстрировал окружающим свое достоинство и даже высокомерие.

Настя еще с полчаса делилась с матерью своими школьно-амурными делами и потом прошла в свою комнату делать уроки.

Лариса поговорила о каких-то пустяках с гувернанткой Натальей и принялась за приготовление кофе по-крымски.

Она заварила кофе покрепче, добавила щепоточку соли и пол чайной ложки «Золотого ярлыка». Несмотря на то, что в магазинах был широкий выбор новомодных импортных какао-продуктов таких уважаемых фирм, как «Нестле», Лариса считала, что в приготовлении кофе по-крымски все же лучше использовать старый добрый, пахнущий детством «Золотой ярлык» отечественного производства.

Вообще, на взгляд Ларисы, в России традиции какао-производства имели богатую историю и свои особенности. Как бы западные производители ни завоевывали наш рынок своими молочными шоколадами, в производстве чистого какао и горького шоколада России нет равных. Лариса имела право высказывать такое мнение со знанием дела, так как в бытность работы в ресторане перепробовала все сорта горького шоколада импортного производства.

Лариса мельком, почти рассеянным взглядом посмотрела на часы. И внезапно спохватилась. Часы показывали половину третьего. Через полчаса им со Светланой предстояла важная встреча.

Быстро разлив кофе по чашкам, она почти бегом сбежала на первый этаж, где и располагалась комната для гостей.

Зайдя в комнату, Лариса стала тормошить подругу.

– Пора, осталось полчаса. Выпьем сейчас кофе и поедем.

Светлана открыла глаза и испуганно уставилась на Ларису.

– Лара, я... не хочу ехать.

– Почему?

– Я... не могу видеть его рожу.

Лариса вздохнула и решительно сдернула с подруги белое покрывало с огромными алыми розами.

– Хватит говорить глупости! – заявила она.

Светлана поднялась и умоляющим взглядом посмотрела на Ларису.

Та обняла ее за плечи и подтолкнула к двери...

Глава 3

«Вольво» подкатил к набережной Волги без пяти три. Добров в своем письме назначил встречу именно здесь, на аллее второго яруса, на третьей скамейке.

Лариса припарковала машину на площадке перед памятником Гагарину, рванула на себя рычаг ручного тормоза и сказала:

– Ну, с Богом!

Светлана, которая всю дорогу курила не переставая, умоляюще прошептала:

– Лара, у нас есть время еще на одну сигарету.

– Света, возьми лучше «Дирол», – посоветовала ей Лариса. – Ты курила сегодня столько, что твой Добров упадет на месте, когда ты на него дыхнешь.

– Вот и хорошо! – мстительно произнесла Гордеева, щелкнув зажигалкой.

Последнюю сигарету перед встречей с бывшим любовником Светлана курила медленно. Она прокручивала в голове те фразы, которые заготовила для разговора с ним. Но воспоминания о том, как они провели время вместе этой весной, как хорошо им было вдвоем, не давали ей сосредоточиться, не позволяли словам прозвучать весомо даже в мыслях.

Светлана злилась на себя. Она понимала, что так нельзя, что нужно быть сильной, что этот самый Саша, от которого она была без ума, оказался мелким и гадким подлецом. Она в бессильной ярости сжала рукой маленькую изящную черную сумочку.

«Тоже мне – тысяча долларов! Даже шантажировать и то не мог толком!» – зло подумала Светлана. Для нее, жены крупного бизнесмена, которая тратит на хозяйство в месяц по три тысячи «зеленых», эта сумма вообще не представляла что-либо значительного. Какой же он все-таки мелочный тип, этот Добров! Видно, все мужчины такие... А она-то, дура, его любила!

– Пошли! – Голос Ларисы ворвался в мысли Светланы и напомнил ей о том, что через минуту ей предстоит встретиться с человеком, который так низко с ней поступил.

Светлана молча открыла дверь автомобиля и вышла наружу. Подруги прошли по аллее нижнего яруса. Когда они дошли примерно до середины аллеи, Светлана прищурилась и посмотрела вверх.

– Вот он, – указала она на сидевшего на скамейке верхнего яруса плечистого мужчину в сером плаще. Он сидел заложив ногу на ногу и нервно курил.

– Очень хорошо, – протянула Лариса. – Садись здесь на скамейку и смотри, что будет происходить наверху. Я пойду поговорю с ним сама.

– Но... – начала было Светлана.

– Никаких «но»! Я думаю, что мне с ним разобраться будет проще, поскольку чувства надо мной не довлеют и нас с ним ничего не связывает.

Светлана пожалала плечами и уселась на скамейку.

Лариса дошла до ближайшей лестницы, поднялась наверх и деловой походкой отправилась в сторону скамейки, на которой сидел шантажист. Решительно подойдя к мужчине, она произнесла:

– Здравствуйте. Вы Добров?

– Да, – мужчина посмотрел на Ларису.

И выражение его лица сразу же из равнодушного превратилось в заинтересованное. Глаза его уже начали свой стандартный в таких случаях путь – снизу вверх, чуть задерживаясь на середине и останавливаясь вверху.

Однако Лариса поспешила прервать это путешествие мужских глаз по ее фигуре:

– Первый раз вижу такое разительное несоответствие фамилии и натуры человека.

Добров поднял глаза на лицо собеседницы и одарил Ларису золотозубой улыбкой:

– Простите, не понял...

– Сейчас поймете, – сказала Лариса и присела на скамейку.

– Ах, так это вы! – еще шире улыбнулся Добров. – Вы от Сергея!

– Я не от Сергея, – ответила Лариса, чем очень разочаровала Доброва. – Я пока сама по себе. Но если вы не отстанете от Светланы, к вам придут действительно от Сергея, одного моего влиятельного знакомого, и совершенно другие люди. И намерения у них в отношении вас будут отнюдь не самыми добрыми...

– Стоп! – словно выстрелил Добров. – Я ничего не понимаю. Если вы не от Сергея, то кто же вы?

Лариса вдруг почувствовала, что в ситуации присутствует какой-то совершенно непонятный ей элемент, который является определяющим и пока неясен ни ей, ни, как это ни странно, ее собеседнику. Она решила взять небольшой тайм-аут и, в свою очередь, прошлась оценивающим взглядом по Доброву.

«Ну, что ж, в принципе неплох... Для своих сорока двух вполне недурно сохранился... Нос, конечно, мог быть и более правильной формы, но вообще выглядит довольно мужественно», – резюмировала она.

Однако то обстоятельство, что этот человек требует у ее подруги деньги за то, что та имела глупость в него влюбиться, сводило на нет положительное впечатление об этом мужчине.

– Меня зовут Лариса, – сказала она, отвечая на вопрос Доброва.

– Очень приятно.

– А мне не очень. Не люблю шантажистов.

– Снова не понял... – Улыбка чуть сползла с крупного лица преподавателя философии, но он по-прежнему почти радушно смотрел на свою собеседницу.

Тем временем по аллее на выручку Ларисе спешила Светлана. Она шла к скамейке решительно, грозно стуча своими каблучками по асфальту.

Добров непроизвольно посмотрел в ее сторону. Лицо его снова приобрело озабоченное выражение.

– Вы знакомы? – спросил он у Ларисы, жестом объединяя ее со Светланой.

– Мы знакомы, – ответила подошедшая Светлана. – А вы, я так полагаю, тоже. Иначе бы ты не разговаривал с ней с такой улыбочкой.

– Только что сейчас познакомился, – начал оправдываться Добров.

– Подождите! – подняла вверх руки Лариса, делая успокаивающий жест. – Вы послали это письмо?

Она вынула из кармана листок бумаги и показала его Доброву. Тот быстро пробежался по нему глазами, нахмурился и сказал:

– Нет.

– Тогда кто же его послал? – В голосе Светланы послышались нотки ярости. – Кто, если не ты, мразь ты этакая?!

– Стоп! – предостерегающе крикнул Добров. – Меня еще и оскорбляют...

– А на что ты рассчитывал? На то, что я тебя расцелую во все твои интимные места? Эх ты, а еще мужиком прикидывался! – презрительно глядя на Доброва, воскликнула Гордеева.

– Я все понял! – гаркнул Добров. – Я этому...

Фраза, прозвучавшая далее, обозначала, что Добров брал на себя обязательства привинтить гениталии какого-то неведомого обеим женщинам «пигмея» к его лбу.

– Потрудитесь, пожалуйста, объясниться, – спокойноотреагировала Лариса на живые и откровенные высказывания Доброва, вынимая из сумочки пачку «Кента».

– Сейчас объяснюсь, – в тон Ларисе спокойно произнес Добров, доставая из кармана плаща «Астру». – Света, присаживайся, пожалуйста!

Добров достал из другого кармана газету и расстелил ее на скамейке.

– Вот так будет лучше, а то плащ испачкается – нехорошо...

Светлана, слегка подумав, опустилась на скамейку рядом с Добровым.

– Дело в том, что тысяча долларов, о которой говорится в этой писульке, мне действительно нужна, – начал Добров.

– Ага, значит, все-таки нужна! – уличающе прокомментировала Гордеева.

– Да, нужна! А кому не нужны деньги?!

Лариса и Светлана, хотя и были женщинами, в средствах особо не нуждавшимися, оценили всю резонность заявления преподавателя философии и промолчали.

– Но все дело в том, что я имел неосторожность проболтаться о своих проблемах своему знакомому. Он-то наверняка и подстроил нашу встречу. Сегодня утром он сказал мне, что у него есть человек, который сможет мне одолжить требуемую сумму. Но для того чтобы ее получить, я должен прибыть сегодня в три часа на набережную. Когда я увидел твою очаровательную подругу, – при этих словах Добров скосил взгляд на Ларису, а в глазах Светланы промелькнула ревность, – я подумал, что она-то и есть тот добрый ангел, который сможет выручить меня.

– Этот ваш знакомый знал о вашем, так сказать, романе? – спросила Лариса.

– Да, я вчера проболтался... Пьяный был...

Добров обвел извиняющимся взглядом обеих дам.

– Мр-раз! – яростно прошептала Светлана и отвернулась.

– Ну да, ну да... Конечно, мразь... – сокрушенно вздыхая, невесело признался Добров.

Наступила пауза, которую первой решила нарушить Лариса:

– Зачем вам нужны деньги?

– А зачем вообще нужны деньги мужчинам? – ответил философским вопросом Добров и тут же на него ответил: – Да затем, чтобы тратить их на вас, женщин! Разве я не прав?

– Может быть, и правы, – согласилась Лариса. – Однако каждый должен брать на себя столько, сколько сможет унести. А у вас, наверное, слишком бурный темперамент.

– Вы абсолютно правы! – Добров поднял вверх указательный палец.

– И все-таки хотелось бы узнать поподробнее, – настаивала Лариса.

– Зачем? Зачем вам мои проблемы?

– Может быть, я вам помогу...

– Зачем? – повторил свой вопрос Добров, и губы его скривила скептическая ухмылка.

Он посмотрел на Светлану. Та по-прежнему сидела отвернувшись, смотря в глубь аллеи. Она делала вид, что всецело поглощена разглядыванием молодой мамы, которая выгуливала в коляске своего малыша.

– Впрочем, действительно, зачем? – задумчиво произнесла Лариса. – Только письмо вы Свете отдайте. Чтобы не было больше таких инцидентов.

– Пожалуйста!

Добров вынул листок бумаги и протянул его своей любовнице. Та молча взяла его.

– Вот и прекрасненько, – констатировала Лариса. – Надеюсь, что ксерокопию вы не сняли.

Она поднялась со скамейки и заметила:

– А тысяча долларов у меня действительно есть...

– Лара, я разберусь с ним сама! – повернула голову Светлана. – Пожалуйста, подожди меня в машине, я скоро приду.

Лариса пожала плечами и ехидно произнесла в сторону философа:

– Всего вам доброго, господин Добров!

– Вам того же, – ответил он, расплывшись в улыбке.

...Светлана вернулась через полчаса и радостно плюхнулась на переднее сиденье. Лариса спросила:

- Ну что? Разобралась?
- Уф! Разобралась, – с облегчением ответила Гордеева и улыбнулась. – Ларочка, я так тебе благодарна! Ты у меня такая славненькая!
- Лариса усмехнулась.
- И чем же я такая славненькая?
- Если бы не ты, я, наверное, не пошла бы... А если и пошла, то наговорила бы Бог знает что. Еще хуже было бы...
- Ну, а все-таки, о чем вы договорились?
- Дала я этому разгильдяю... тысячу долларов, и все! Не хочу больше иметь с ним ничего общего. Пусть пудрит мозги своей альтернативной историей другим дурам!
- Он хоть объяснил, зачем они ему?
- Он, по-моему, все ясно сказал – на баб! На таких, в частности, как я. Просто он промотал деньги, которые достались ему по гранту.
- Он обещал вернуть деньги?
- Да, но для меня это неважно. Лучше будет, если не вернет, потому что я не хочу больше его видеть. Главное – гора с плеч, письмо у меня!
- Ну, это дело твое, – Лариса облокотилась на руль, – но, Света, как я поняла, он ни в чем особо и не виноват...
- Нет, он виноват! – произнесла Гордеева, глядя в упор на подругу. – Он виноват, что родился таким... уродом!
- Ладно, поехали! – вздохнула Лариса и вставила ключ зажигания. – Ты сейчас слишком взвинчена, чтобы быть объективной. Тебе надо хорошо поесть. Поехали, накормлю тебя жареной телячьей печенкой с лимоном.
- Приехав домой и быстро приготовив еду, она поставила перед подругой свой новый кулинарный изыск и включила телевизор...
- ...Следующий день для Ларисы начался как обычно. Раннее пробуждение, проводы Насти в школу и размышления о своей судьбе. Наступил новый день, который не сулит ничего примечательного. Проблемы подруги успешно решены, по дому вроде бы тоже делать особенно нечего.
- Что остается? Скучать возле телевизора? Ехать выбирать новый костюм? Или, может быть, сегодня все-таки приготовить рулет из свинины с черносливом?
- Это блюдо Лариса собиралась приготовить уже три месяца. Впервые она отведала его прошлой зимой в Дании, в небольшом копенгагенском ресторанчике.
- Они были там во время зимних каникул с Евгением и Настей. Откровенно говоря, Лариса не очень хотела ехать в эту северную страну, да еще и зимой, однако уступила просьбам дочери. Ее любимым писателем был Ганс Христиан Андерсен, и она мечтала побывать на его родине.
- «Что ж, если сегодня ничего серьезного не предстоит, самое время заняться приготовлением этого рулета», – подумала Лариса и посмотрела на часы.
- Время приближалось к девяти. Надо сходить на рынок. В десять она уже будет дома, начнет готовить, и к приходу Насти кушанье будет на столе.
- «Что-то давно не было звонка от Евгения», – подумала Лариса, надевая свое любимое бежевое жатое платье. Скоро майские праздники, так что приедет он обязательно. По крайней мере должен. Но мог хотя бы позвонить и предупредить! И вообще непонятно, думает ли он там, в столице, о ней, скучает ли?
- Ее мысли оборвал домофон. Лариса увидела Свету Гордееву, вид которой поразил ее даже на дисплее домофона.
- Лариса подошла к входной двери и открыла ее. Светлана выглядела мрачнее тучи, а косметики на ее лице не было.
- Что такое, Света?

– Сейчас расскажу, меня всю трясет. Найди успокоительное, пожалуйста.

Пока Светлана снимала плащ и разувалась, Лариса прошла в маленький холл и стала рыться в аптечке.

– Короче, вот, читай! – Светлана протянула Ларисе листок, на котором черным шрифтом принтера по белой финской бумаге было написано:

«У вашего мужа есть сын. Ему девять лет, и зовут его Добров Дмитрий Александрович. Если вас это интересует, задайте соответствующие вопросы Ольге Добровой. Она работает учительницей в школе Ъ3».

Глава 4

– Ты что же меня так подставил, интриган несчастный? – шумел широкоплечий философ Добров, танком надвигаясь на тщедушного историка Семечкина.

– Неважно, какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила! – метафорично отвечал ему Семечкин. – Ты доллары получил – получил! И нечего на меня бочку катить! Что бы ты без меня делал, кто бы тебе эти деньги дал?

– Какая разница?! Это мое дело! Мне, думаешь, приятно было выглядеть на этой встрече бесформенной массой? – не унимался Добров.

– Не будет из тебя толку, Добров! – качал ему в ответ головой Семечкин, отодвигаясь к окну кабинета. – Ох, не будет! Как идиотом родился, так и умрешь! Только и умеешь, что на женщин залезать... – А вот это уже совсем не твое дело! Как будто сам лучше. Тебе-то вообще никто не дает. Попомни мои слова – через пять лет совсем упадет, и вспомнить нечего будет! Впрочем, нет, гораздо раньше, – вдруг спохватился Добров.

И пообещал тот самый важный орган, который должен у Семечкина упасть лет через пять, прямо сейчас оторвать и прибить ко лбу гвоздями.

И философ простер свою большую ладонь к брюкам своего коллеги, явно намереваясь совершить резкое хватательное движение и осуществить свой антигуманный замысел.

В момент, когда Добров уже ухватился рукой за материю старых, протертых брюк Семечкина, дверь кафедры отворилась. Буквально наткнувшись глазами на эту выразительную сцену, на пороге застыла заведующая кафедрой истории средних веков профессор Александра Михайловна Захарченко.

– Что здесь происходит? – недоумевающе-негодующе сверкнув глазами изпод больших роговых очков, спросила она своим звонким голосом.

Добров обернулся, не успев отдернуть руку от штанов Семечкина. Пока он подыскивал нужные слова, Захарченко фыркнула:

– Безобразие! Нашли время...

– Александра Михайловна, – обратился к ней наконец Добров, но голос его прозвучал крайне неубедительно и хрипло.

– Что Александра Михайловна?! – строго воззрилась на него Захарченко, положив папку с бумагами на стол. – Шли бы к себе на кафедру и занимались бы там... Там тоже мужчины, между прочим, есть, – ехидно добавила она.

– Вы неправильно поняли ситуацию, – встрял Семечкин.

– А вы бы помолчали, Сергей Борисович! Я давно за вами наблюдаю и пришла к выводу, что... странный вы какой-то!

Семечкин порывался что-то сказать, однако Добров решительно развернул его к двери и подтолкнул.

– Пошли, после разберешься, – сказал он. – Извините, пожалуйста, Александра Михайловна, мы просто спорили на исторические темы.

– Да-да, – подтвердил Семечкин. – Мы не сошлись по поводу исторической роли Наполеона в европейской политике прошлого века.

Захарченко скептическим взглядом проводила обоих ученых.

– Вот так живешь, живешь и не знаешь, – буркнула себе под нос заведующая кафедрой, когда дверь за Добровым и Семечкиным закрылась. – Думаешь-гадаешь, почему мужчина холостой? А тут на тебе...

Захарченко улыбнулась. Все происшедшее развеселило ее. Она с утра уже успела прочитать две лекции и под конец второй едва сдерживала зевок от скуки, навеваемой тем, что она сама говорила.

Чего нельзя было сказать про Александра Николаевича Доброва. С одной стороны, все произошедшее вчера возмущало его до глубины души. Надо же, Семечкин умудрился выставить его в глазах двух женщин шантажистом! Никогда еще он не выступал в таком качестве.

С другой стороны, уже послезавтра должны были нагрянуть люди из фонда. Они по долгу своей службы и в точном соответствии с названием фонда были обязаны наблюдать за развитием свободного человека в еще не до конца свободной России. А Александр Николаевич нес перед ними ответственность в размере одной тысячи американских долларов, и не будь вчерашней встречи, он вынужден был бы, образно выражаясь, исполнять перед строгими представителями свободного мира туземный танец живота, оправдываясь в растрате денег.

Прозвенел звонок, и Доброву, равно как и Семечкину, пора было идти на лекции. На развилке коридоров Добров погрозил коллеге кулаком и пошел в направлении своей аудитории, где его уже ждала благодарная студенческая публика.

Читал Добров интересно. Как правило, студенты и студентки, причем последние в большей мере, слушали его внимательно. Но сегодня лекция что-то не задалась. Сначала Добров переврал цитату из Кьеркегора, а потом запутался в собственных рассуждениях по поводу диалектики от абстрактного к конкретному.

Стук в дверь аудитории застал его как раз в тот момент, когда он уже выбирался из построенных им самим философских дебрей и собирался перейти к самой сути сегодняшней темы.

– Да-да, – недовольным тоном произнес Добров.

В двери показалось лицо его вчерашней знакомой, с которой он при весьма странных обстоятельствах познакомился на набережной.

– На минуточку, – сказала Лариса.

Непонятно почему, но Доброва охватили нехорошие предчувствия. Это чувство усилилось, когда он услышал смешки студенток. Они красноречиво смотрели то на Доброва, то на неожиданную посетительницу.

Добров сошел с возвышения кафедры и подошел к двери. Лариса посторонилась, давая ему пройти. Выйдя в коридор, Добров обнаружил там Светлану Гордееву, которая стояла у стены. Та одарила своего любовника ненавидящим взглядом.

В этот момент Доброву показалось, что нехорошие предчувствия явно начинают сбываться.

– Что случилось? – спросил он, нахмурившись, стараясь придать своему голосу как можно более безразличный тон.

– Нам надо поговорить. Срочно, – тихо, но очень отчетливо сказала Гордеева.

– Но у меня лекция...

– Твоя лекция подождет. Если вот это, – она помахала перед ним листком бумаги, – тоже писал не ты, я думаю, ты сам распустишь своих студентов.

Добров еще больше нахмурился и вырвал листок из рук Светланы.

– Чего?!

Голос Доброва прозвучал в университетском коридоре раскатисто, как майский гром. Его лицо побагровело, а челюсть угрожающе выдвинулась вперед.

– Я убью его! – заорал он и кинулся по коридору вперед.

Лариса, однако, ожидала такой реакции и загородила Доброву путь.

– Никуда вы сейчас один не пойдете! – твердо сказала она. – Я убеждала Свету подождать конца занятий, но она завелась, и я не смогла ее удержать. Распустите студентов, и пойдете куда-нибудь спокойно поговорим, без резких движений. Они сейчас ни вам, ни нам абсолютно ни к чему.

– А вам-то какое дело?! – грозно воскликнул Добров. – Вы вообще в этом деле сбоку припека!

– Может быть, и так, – едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить, согласилась Лариса, – но я думаю, что мой совет все же сейчас выглядит разумным. Мы не знаем, кто послал эту анонимку. Если это сделали не вы, то нам надо спокойно разобраться, кто это сделал и кому это выгодно.

– А что тут разбираться? – уже более спокойным тоном спросил Добров. – И так ясно, что это дело рук этого педераста Семечкина!

– Я попросила бы не выражаться, – спокойно парировала Лариса. – Лучше сделайте, как я посоветовала.

Добров секунду-другую постоял на месте, потом резко развернулся и пошел обратно в аудиторию. Спустя полминуты из аудитории начали выходить наиболее торопливые студенты, которые, проходя по коридору, недоуменно косились на Светлану и Ларису.

Затем в толпе студентов показался и сам Добров.

– У вас сегодня есть еще лекции? – спросила Лариса.

– Нет.

– Тогда давайте поедем куда-нибудь и спокойно поговорим.

– Я думаю, нам надо обсудить все это со Светой наедине.

– Если она согласится, то почему бы и нет, – пожала плечами Лариса и направилась к лестнице.

Когда все трое вышли из учебного корпуса, Добров сказал:

– Едем на нашу квартиру.

– Я туда не поеду, – упрямо ответила Светлана. – Ни за какие коврижки.

– Я, как лицо почти нейтральное, могу предложить в качестве места для переговоров свою жилплощадь, – сказала Лариса. – Учитывая ее солидные размеры, думаю, что поговорить тет-а-тет место найдется.

Добров, поколебавшись с минуту и выкурив сигарету, согласился. Через полчаса Добров со Светланой уже уединились в комнате для гостей. Лариса же поднялась в свою комнату и включила видеомэгагнитофон.

Через полчаса к ней постучался Добров.

– Вы меня ради Бога извините, Лариса, не знаю вашего отчества... – несколько смущенно начал он, поправляя свой цветастый корейский галстук.

– Викторевна. Но это не имеет значения, зовите меня просто Лариса. Какие-нибудь проблемы?

– Дело в том, что я был неправ, когда протестовал против вашего участия в этом деле. Светлана только и знает, что твердит – во всем виноват ты, Добров! Что якобы я завязал с ней роман потому, что знал о связи своей жены с ее мужем. Но, поверьте мне, – Добров прижал руки к груди, – для меня это такой же удар. Если не больший... Потому что Диму я воспитывал все девять лет...

– Подождите, это может оказаться неправдой. Мало ли у нас злых людей!

– Нет, сейчас я почти уверен!

Добров присел на стул, согнулся и закрыл лицо руками.

– Я убью ее, сволочь такую! – прошипел он.

– Успокойтесь. Пойдемте на кухню, я налью вам коньяку.

– Это вряд ли поможет, – отмахнулся Добров.

– Пойдемте, пойдемте! А я пока поговорю со Светланой, и, дай Бог, она тоже успокоится.

Добров встал и покорно пошел вслед за хозяйкой дома. После того как организм Доброва положительно воспринял сто пятьдесят грамм «Гастон де Лагранжа» и общий настрой философа по отношению к окружающему его миру можно было характеризовать как более-менее доброжелательный, а в кухню поднялась Светлана, которая также слегка отошла, Лариса отважилась открыть обсуждение.

– Итак, у нас на повестке дня два вопроса. Первый – выяснение истинности того, о чем говорится в анонимном послании. Второй – выяснение личности самого анонима.

– Вы излагаете все стройно, как будто не один год проработали частным детективом, – заметил слегка захмелевший Добров, криво улыбаясь.

– Вы слегка преувеличили, – ответила Лариса. – Мой стаж несколько меньше. Пока всего около полутора суток.

– Давайте не отвлекаться! – раздраженно заметила Светлана.

Ларисе стоило трудов заставить ее успокоиться и воспринимать события более адекватно. Однако нервы у Светланы явно распались, она постоянно крутила свое толстое обручальное кольцо и тяжело вздыхала.

– Что касается истинности, – сказал Добров, – то это можно выяснить у моей жены – раз, и у мужа Светланы – два. Со вторым, как я понял, есть небольшая загвоздочка – он находится на расстоянии нескольких часовых поясов отсюда и вряд ли будет расположен давать какие-то объяснения по этому вопросу по телефону. Что касается моей жены, то я сегодня с ней разберусь.

Добров подлил себе в бокал еще немного коньяка и выпил.

– Меня все же больше интересует второй вопрос, – заметила Лариса. – Кто и с какими целями начал эту игру? И против кого она направлена – против вас или против Светланы? Чего добивается аноним?

Так как собеседники Ларисы сами бы хотели знать ответы на эти вопросы, они скромно промолчали.

– А меня интересует первый вопрос! – упрямо заявила Светлана. – Ты что, не помнишь, что у вас было с женой после женитьбы? Я девять лет назад Игоря знать не знала и поэтому ничего не могу сказать. Но ты-то должен был контролировать свою молодую жену!

Добров едва сдержался, чтобы не пулнуть в Светлану бутылкой с коньяком.

– Попробуй вас, б. . . , проконтролируй! – грязно выругался он.

– Без оскорблений, пожалуйста! – выкрикнула Лариса. – Иначе я лишу вас слова!

– Виноват, господин спикер! – Добров встал и картинно расшаркался перед Ларисой.

– Ах так, значит! – воскликнула Светлана, явно задетая словами своего любовника. – Все, мне надоело! Я не могу больше находиться в обществе этого хулигана. К тому же еще и рогоносца. . .

И, вскочив со своего места, Светлана покинула кухню. Лариса бросилась за ней. Догнав ее уже внизу в прихожей, она решительно взяла подругу за рукав костюма и сказала:

– Света, постой! Я понимаю, что все это крайне неприятно. Но если ты будешь психовать, мы не сможем разобраться в этом деле.

– Ты не понимаешь! – сказала, глядя в лицо подруге, Светлана. – Если Игорь узнает о том, что у него есть сын, он меня бросит и уйдет к Сашкиной жене! У нас-то детей нет и, похоже, не будет. . .

Лицо Светланы покраснело, она была готова разрыдаться, когда Лариса обняла подругу руками за шею и притянула к себе.

– Света, успокойся! Почему ты так решила? Еще ведь ничего не ясно. . .

– Все ясно, все! – сквозь всхлипывания произнесла Светлана. – Он меня бросит. . .

Простояв со Светланой около минуты в объятиях, Лариса решительно развернула ее к комнате для гостей.

– Ты пока посмотри здесь что-нибудь по видеку не очень напрягающее, а я попробую разговорить Доброва, – сказала она, предоставляя в распоряжение подруги стопку видеокассет.

Вернувшись на кухню, Лариса нашла философа в еще более доброжелательном виде, чем прежде. Коньяк стремительно перемещался из бутылки в чрево кандидата наук.

– Александр Николаевич, – сказала Лариса как можно мягче, – может быть, вы что-то вспомните и расскажете мне. Пускай даже я и не смогу выяснить, кто же во всем этом виноват, но хотя бы легче станет...

– Ну, что тут говорить... – сказал, покачиваясь на стуле, Добров.

Он вынул из кармана «Астру» и собрался закурить.

– Если хотите, могу предложить «Кент», – подняла брови Лариса.

– Нет, я привык к этим. Димке как раз год был, как начались эти перестроечные трудности с куревом. Я раньше-то все болгарские смолил, а потом как к «Астре» привык, так и соскочить уже не могу. Все остальное травой кажется.

Лариса пожала плечами и приготовилась слушать дальше, внутренне содрогаясь от того, что следующие две минуты ей придется вдыхать дым отечества в виде никотиновых паров «Астры», который отнюдь не казался ей сладким и приятным.

Добров заметил на лице Ларисы гримасу недовольства, подошел к окну и шумно выдохнул воздух с табачным дымом наружу. Глядя на газон за домом, который только-только начал покрываться зеленой травой, он как-то тоскливо произнес:

– Я с Ольгой, своей второй женой, познакомился в студенческом лагере. Я, простой преподаватель политеха, был руководителем студенческой бригады помощи в уборке урожая. Она же была студенткой университета. Встретились мы на дискотеке. Я тогда, каюсь, подпил слегка, поэтому и пошел на танцы, а так вообще я не большой любитель. А тут: с первой женой только разошелся, глаза – вразброс, что делать дальше – непонятно. Пора уже было в клуб Иисуса Христа вступать – на носу тридцать три. И вот она: высокая симпатичная брюнетка, чуть с гонором. Мне всегда такие нравились. И, как говорится, слово за слово, энтим делом по столу... Через два дня у нас все и устроилось. Потом разъехались, а в городе она меня сама нашла. Вернее, вроде бы так получилось, что сама... А на самом деле, видимо, не случайно это все было...

Добров вздохнул и посмотрел на бутылку коньяка. Содержимого оставалось буквально на один прием. Добров подумал секунду-другую и решил подождать.

– Встретила она меня в университетской библиотеке, – продолжил он. – Я постоянный ее читатель, мне же надо было повышать свою эрудицию, а в политехе, сами понимаете, по общественным дисциплинам почитать нечего. Вот как-то в один прекрасный день захожу я туда, усаживаюсь с литературой за столик, а через полчаса и она приходит, тоже с книжками, садится за соседний столик. Естественно, поздоровались...

Добров взвел глаза к потолку и закусил нижнюю губу.

– Я в тот день с литературой так и не познакомился в должном объеме. Пригласил ее к себе домой, посидели, выпили...

Добров сделал красноречивую паузу и решительно вылил остатки коньяка себе в бокал.

– А через две недели она сказала вам, что в положении? – спросила Лариса.

– Вы чрезвычайно догадливы, – улыбнулся Добров. – Но, наверное, это не имело особого значения. Потому что я бы женился на ней в любом случае – уж больно она меня зацепила. Свадьбу сыграли в декабре, Димка родился через три месяца.

– Семейная жизнь ваша складывалась нормально?

– Как у всех, от скандала до скандала, от получки до получки, – криво ухмыльнулся Добров.

– Об Игоре Гордееве вы, естественно, никогда не слышали?

– Слышал, но не от нее. От Светланы совсем недавно услышал, что есть такой. Но знакомиться с ним я не собирался до сегодняшнего дня. А теперь, наверное, придется.

– Вы ради Бога извините, что я волею случая влезла в ваши интимные проблемы, – сказала Лариса. – Но могу вас заверить, что я не собираюсь выходить на улицу и кричать об этом всем подряд. Я сохраню все в тайне. Однако это затрагивает мою подругу, и я считаю своим

долгом помочь ей выяснить, кто же покушается на ее спокойствие. Думаю, что все это направлено против нее.

– Аргументы? – коротко поинтересовался Добров.

– Женская интуиция, – ответила Лариса. – Хотя, конечно, в ваших мужских глазах это утверждение на роль серьезного аргумента не годится.

– Ну почему? – возразил Добров. – Я вот лишен этого очень полезного в жизни чувства, поэтому, наверное, и не ладится ничего.

– Оставим теоретические разговоры и перейдем к практике. Итак, об Игоре Гордееве вы услышали совсем недавно, а девять лет назад даже и не подозревали о его существовании? А тем более что у него могло быть что-то с вашей женой?

Добров в знак согласия кивнул.

– Хорошо. Попробуем с другой стороны. Кто знал о вашей связи со Светой?

– По большому счету никто. Только два дня назад узнал мой приятель и коллега Сергей Семечкин, да и то, пользуясь моим бессознательным состоянием.

– А с этим самым Семечкиным вы знакомы давно?

– Довольно-таки... Если вас интересует, были ли мы знакомы девять лет назад, отвечу, что были. Но это не его работа. Я сперва подумал на него, но сейчас, трезво поразмыслив, пришел к выводу, что он не стал бы этого делать. Да и не мог знать он о делах Ольги. При словах «трезво поразмыслив» Лариса, глядя на накачавшегося коньяком Доброва, усмехнулась.

– Даже если допустить, что он что-то там знал, не будет Серега этого делать. Это же подлость самая настоящая! У него, конечно, бывают заскоки типа этого шантажистского послания, но это он делал ради меня, руководствуясь, так сказать, лучшими побуждениями.

– Насчет последнего не согласна – шантаж всегда отвратителен, – возразила Лариса. – Но насчет второго послания я также склонна думать, что это не он. Хотя и не знаю его совершенно.

– Опять интуиция?

– Нет, просто трезвый взгляд на вещи. Мотивы совершенно отсутствуют, и если бы он хотел это сделать, то сделал бы гораздо раньше.

Добров с сожалением посмотрел на пустую бутылку коньяка и вдруг неожиданно грохнул кулаком по столу.

– Нет, этого гада я все равно найду и его ноги ему же в рот и засуну!

Лариса, сознавая всю серьезность вставшей перед Добровым проблемы, не удержалась и улыбнулась.

– Я вам верю, – сказала она. – Для этого типа будет лучше, если он их помоеет перед вашей встречей.

– Вы шутите, – печально проговорил Добров. – А вот мне что делать?

– Вам прежде всего нужно спокойно поговорить со своей женой. Мне кажется, анонима нужно искать либо среди недоброжелателей Светланы, либо среди старых знакомых вашей жены и Игоря, если, конечно, информация об их связи верна.

– Да, конечно, я поговорю, – угрожающим тоном заявил Добров.

– Но учтите, что говорить нужно спокойно и по возможности отставить эмоции, – предостерегающе подняла указательный палец вверх Лариса.

– Ну да, ну да... Конечно... Но кто бы мог подумать, что я буду сидеть совершенно разбитый на кухне и слушать советы женщины, как мне решить такую деликатную мужскую проблему! – сокрушенно проговорил Добров.

– А что, вы думаете, женщина в таких делах не может посоветовать? Вы что, половой шовинист?

– Что вы, нет, конечно, – замахал руками Добров. – Но, правда, и горячим сторонником феминизма не являюсь.

– Я тоже, – улыбнулась Лариса.

В этот момент на кухне появилась Светлана, которая прямо с порога обратилась к своему любовнику:

– Добров, мы уже окончательно, по-моему, надоели хозяйке.

– Да, конечно, пора и честь знать, – согласился он с ней.

– Уж коли я ввязалась в это дело, я просто так этого не оставлю, – заметила Лариса. – Поговорите с женой, Александр Николаевич, и позвоните мне. А ты, Света, думай насчет того, кто мог быть осведомлен о делах твоего мужа девятилетней давности. Сегодня вечером и завтра утром я жду ваших звонков. И еще...

Лариса посмотрела на Доброва, лицо которого покраснелось, а движения утратили четкость, и сказала Светлане:

– Отвези, пожалуйста, господина Доброва домой.

– Нет, я дойду сам, – принялся было протестовать Добров.

Светлана пристально на него взглянула, в глазах ее зажглись какие-то озорные огоньки, и она решительно сказала:

– Ты поедешь со мной, Добров...

Глава 5

Ольга Доброва собрала в сумку тетради, сложила туда же ручки, книги и косметичку и сказала:

– До завтра, Наталья Юрьевна.

Женщина средних лет оторвала лицо от журнала и ответила:

– Всего хорошего, Ольга Николаевна.

Уже когда Ольга подходила к двери учительской, ее окликнули:

– Я что-то на тебе этой цепочки не видела...

Ольга подняла вверх брови, улыбнулась и сказала:

– Муж подарил, Наташа. На день рождения.

И, видя недоверие в глазах коллеги, уже другим, более игривым тоном заметила:

– Конечно же, не муж... Допросишься его.

Наталья Юрьевна понимающе подмигнула Ольге и погрозила ей пальцем.

– Ладно, пошла я. Дел еще куча, – сказала Ольга и вышла.

У Ольги на сегодня было запланировано посещение магазина и приготовление обеда. Она решила пройтись пешком и купить продукты в новом супермаркете, который недавно открылся как раз на середине пути между школой и домом.

Апрельский денек выдался достаточно погожим, и Ольга испытала искреннее удовольствие от пешей прогулки. Отмеряя шагами квартал за кварталом, она и не заметила, как на нее нахлынули мысли о своей жизни.

А жизнь ее, как и у многих других женщин, представляла собой отчаянный слалом между романтизмом и прагматизмом. С годами, однако, как опять же часто бывает, прагматизм становился все ближе. Романтизм же остался далеко позади и крохотным огоньком напоминал о себе только в минуты грустной ностальгии. И слалом год от года все ускорял движение по склону жизни.

Она выходила замуж по любви за импозантного преподавателя университета Александра Доброва. Но в то же время ею двигал и определенный расчет – она посчитала, что человек, познавший неудачу в первом браке и умудренный жизненным опытом, сможет быть хорошим отцом ее ребенка. И в принципе не прогадала.

Однако, несмотря на все плюсы Доброва как отца, в ее браке наличествовали и ощутимые минусы.

Во-первых, Добров зарабатывал явно недостаточно для того, чтобы нормально содержать семью. Вернее, с одной стороны, многие жили еще хуже, а с другой – хотелось все же большего. Тем более что Ольга догадывалась, что Добров на самом деле зарабатывает достаточно, с учетом неофициальных доходов во время сессий и вступительных экзаменов, но имеет такие статьи расходов, которые в семейном бюджете не обозначены.

И здесь крылся другой большой минус ее мужа. Он был человеком увлекающимся, и главным его хобби являлись женщины. Ольга догадывалась, что Добров изменяет ей постоянно. А так как другие женщины также поклонялись идолам здорового прагматизма, то эти измены влетали Доброву в копеечку. А соответственно, и ей, Ольге, и, что особенно возмущало ее, их общему сыну. Который был абсолютно не виноват в том, что его папа придерживался по жизни девиза: «Имей все, что движется».

У Димки, в частности, не было нормальной летней одежды. Нужно было и ботинки купить, и маечки, и носочки...

«А этому идиоту и хрен по деревне! Зла не хватает!» – подумала Ольга, переходя улицу.

Тем не менее Ольга, высокая брюнетка с длинными волосами и хорошо сложенная, не решалась на то, чтобы разорвать узы брака. Несмотря на то, что недостатка в альтернативных

вариантах не было – взять хотя бы холостого чиновника из отдела образования, который не раз намекал ей на свою заинтересованность в развитии отношений. Однако ее останавливало то, что между мужем и сыном существовала очень прочная связь, и это было уже почти на уровне генетики. Димка отца обожал и всегда охотно проводил с ним время.

«Все-таки хорошо, что я его тогда встретила», – подумала Ольга.

...Нет, думала она так не про Доброва. В ее мыслях был Игорь Гордеев, бывший однокурсник и любовник, а ныне преуспевающий бизнесмен. Он-то и подарил Ольге ту цепочку, которую глазастая учительница физики Наталья Юрьевна и узрела на ней. Добров – тот, кажется, и внимания не обратил. И то, что сыну она вещи купила на лето, тоже прошло мимо его отцовских глаз. У него даже не возник резонный вопрос – а откуда взялись деньги?!

А началось все в конце февраля, почти два месяца назад. Она спешила и поэтому переходила улицу уже при мигающем зеленом свете. А с первой полосы на перекресток выруливал «БМВ» с тонированными стеклами. Слава Богу, шофер успел затормозить...

Естественно, он потом высказал все, что думал об Ольге и ее родителях, оперируя всего лишь несколькими словами, но виртуозно используя при этом богатство русского словообразования.

По-другому повел себя коротко стриженный крепыш, который сидел рядом с водителем. Он пристально взглянул на Ольгу и пригласил ее в машину. Оказавшись в салоне и разглядев мужчину, она всплеснула руками. После того как она девять лет назад рассталась с Игорем, судьба так и не свела их больше. Лишь мельком виделись пару раз на улице.

А тут – слово за слово, и вскоре она уже сидела вместе с ним в одном из самых дорогих кафе города.

Обменявшись информацией о жизни однокурсников, они начали жаловаться друг другу на свои проблемы. Ольга, естественно, сетовала на материальные трудности, обвиняя в них своего мужа. Игорь же, в свою очередь, как-то скептически отозвался о своей супруге.

После того как он выпил очередную рюмку, он проговорился. Скорее всего его супруга страдает бесплодием.

– Мне уже под тридцатник, так что сама понимаешь... – проронил Игорь, закусывая водку осетриной.

– Да ты не расстраивайся так, говорят, что сейчас это лечат, и весьма успешно, – успокаивала его Ольга. – К тому же с твоими-то финансами это не проблема...

И тут ее как током ударило. Воспоминания ушедшей юности снова встали перед ней совершенно ясно и отчетливо, словно кадры забытого фильма.

Ведь она была с Игорем всего лишь за неделю до того, как уехала в лагерь. Тот не поехал потому, что достал справку о том, что у него аллергия на какие-то травы.

А в лагере она познакомилась с Добровым и после возвращения оттуда объявила Игорю, что между ними все кончено. Надо сказать, что с Игорем у нее был студенческий роман, который особо никого ни к чему не обязывал. Игорь, как человек практичный, еще тогда предупредил, что он ни за что отвечать не собирается и семью заводить до окончания университета не хочет.

Он и не стал особо расстраиваться по тому поводу, что его подругу посетила «настоящая любовь». Более того, он даже искренне пожелал ей счастья.

Но сейчас, глядя на Игоря и сравнивая его со своим сыном, у нее мелькнула смутная догадка. А что, если это он отец? Во всяком случае, это вполне могло быть.

Ольга попросила Игоря налить ей полную рюмку водки, выпила и сказала:

– А у меня сын во втором классе, на следующей неделе девять лет исполнится.

– Да? – рассеянно спросил Игорь. – Девять?

И, нахмурившись, задумался, поглощая салат из крабов.

– Тогда все так быстро получилось, – продолжила Ольга. – В июле мы познакомились с Добровым, в декабре – свадьба, а в марте Димка родился.

Игорь еще больше нахмурился, глядя себе в тарелку.

– Постой, – вдруг сказал он. – А как это может быть? В июле... в марте... восемь месяцев... Подожди, а ведь мы с тобой в июне... – Гордеев был явно растерян. – Так что, ты хочешь сказать, что...

– Все может быть, Игорь... – Ольга оторвала смущенный взгляд от стола и посмотрела ему прямо в глаза.

Гордеев положил вилку и уставился на Ольгу с полуоткрытым ртом.

Позже она поймет, что рассказала ему об этом, руководствуясь лишь практическими соображениями. Она рассчитывала на то, что, узнав об этом, Игорь поможет ей материально – для него ведь лишние полтысячи в месяц не являются проблемой. Сама Ольга была уверена, что отцом ее сына является Добров, но встреча с Игорем поколебала ее уверенность. Слишком уж много общего находила она во внешности своего сына и Игоря.

Она рассчитала правильно. Гордеева очень взволновало ее сообщение, остаток вечера он был особенно галантен, подвез ее до дома и спросил, где ее можно найти. Через несколько дней Игорь приехал к ней в школу, подарил ей цепочку и привез деньги. Причем абсолютно ничего не потребовал взамен.

Ольга бы в принципе и не противилась, если бы потребовал. По одной ей известным признакам в поведении мужа она догадывалась, что у того появилась какая-то новая пассия. Поэтому она рассудила, что с моральной точки зрения она не может испытывать никакого чувства вины, если попробует оживить старый студенческий роман.

Единственное, на что Ольга не соглашалась, так это на то, чтобы Игорь познакомился с Димкой. Она лишь показала ему его фотографии.

Однако их отношениям не суждено было продолжиться – в начале марта Игорь улетел в Америку на бизнес-стажировку. Ольга же на деньги, которые дал ей Игорь, купила необходимые вещи сыну и даже подумывала о том, чтобы прикупить что-то и себе.

И сейчас, стоя у кассы нового супермаркета, она решила, что завтра ходит в универмаг. Ожидая, пока подойдет ее очередь, Ольга рассеянно смотрела в окно.

Напротив находился дом, который был отстроен относительно недавно, года три назад. Это был дом, в котором проживали «новые русские». Во всем доме было всего лишь четыре трехэтажных квартиры. Изящный фронтон здания был окрашен в белые и красные тона, рядом с входными дверями в квартиры располагались ворота гаражей.

«Если бы у меня тоже была аллергия на травы и я не поехала бы в этот чертов лагерь, может быть, сейчас тоже жила в подобном домишке», – цинично подумала Ольга и тут же осеклась.

Дверь одной из квартир открылась, и на крыльце появился ее муж, простой кандидат философских наук Александр Добров. Судя по всему, он был нетрезв, и его движение направляла молодая женщина, эффектная брюнетка в темном плаще.

Ольга буквально впилась глазами в окно. Она не видела, как кассирша посчитала сумму. Она просто протянула ей сторубливку, затем не глядя взяла сдачу и машинально переложила продукты из корзины в сумки. При этом она не прекращала наблюдать за происходящим на улице.

Тем временем парочка направилась к машине, припаркованной неподалеку. Женщина открыла двери пультом дистанционного управления и села на водительское место. Добров плюхнулся рядом.

«Какая сволочь!» – подумала Ольга и стала лихорадочно соображать, что же дальше делать.

Машина тронулась с места, и Ольга быстро выбежала из магазина. Она посмотрела вслед удаляющемуся автомобилю, подняла руку и остановила такси.

Глава 6

Когда Светлана садилась за руль своего «Фольксвагена», она уже знала, что будет дальше. В глазах Доброва она прочитала все.

И когда он обнял ее в машине, она убедилась в том, что он хочет того же, что и она. После всего, что произошло сегодня, после того как они узнали о том, что между их супругами существовала связь, пускай и давняя, им просто необходимо было быть вместе. Оба чувствовали себя одинокими и незащищенными перед внешними обстоятельствами.

Светлана – потому что вопрос о потомстве в их семье стоял очень остро и она боялась гадать, как отреагирует Игорь на эту новость.

Добров – потому что его мужское самолюбие было повергнуто и опрокинуто. По сути дела, происходила корректировка всего того, чем он жил девять лет семейной жизни.

Светлана сама повела машину в сторону квартиры матери Александра. Это было место, которое связывало их обоих. Именно там они желали сейчас быть вместе, чтобы дать выход своим негативным эмоциям, которые овладели ими после такого удара судьбы...

...Уже позже, подвезя Доброва к подъезду его дома, Светлана долго не хотела его отпускать. Подсознательно она боялась его встречи с Ольгой, потому что чувствовала, что после нее огласка всего этого дела неминуема. Кроме того, у нее появилось предчувствие беды, которая должна грянуть очень скоро.

И она пыталась оттянуть момент неизбежного расставания долгими поцелуями в машине. После того как они снова занимались сегодня любовью, после того как она ощутила удовольствие от физической близости с Добровым, благодаря которому, собственно, и привязалась к нему, чувства полыхали внутри Светланы радостным огнем. Примерно то же испытывал и Добров.

С ним Светлана ощущала себя уверенной и спокойной и сегодня снова подумала, что не хочет его ни с кем делить, и даже недолгая разлука казалась невыносимой.

Увы, скоро ей придется ехать в свою роскошную квартиру и пребывать там в тоскливом одиночестве. И от осознания этого ее начала колотить нервная дрожь еще тогда, когда Добров сидел рядом.

– Позвони мне сегодня, пожалуйста, часа через два, – попросила Светлана.

– Хорошо, – ответил Добров. – Света, извини, мне пора идти. Вон сосед идет, а мы тут рисуемся, сидим...

– Да мы уже так нарисовались, что сосед твой – ерунда по сравнению с нашими нынешними проблемами, – заметила Светлана и вдруг взорвалась: – Иди, Добров, иди! Для тебя мнение соседа важнее, а на меня тебе наплевать!

Добров изумленно посмотрел на свою любовницу и хотел уже изречь нечто протестующее, потом махнул рукой и открыл дверь машины.

– Позвоню, как только поговорю с Ольгой, – сказал он и решительно захлопнул дверцу.

Он, не оборачиваясь, вошел в подъезд, чувствуя на себе взгляд Светланы. По мере того как он поднимался к себе на четвертый этаж, ярость, притушенная за время, проведенное со Светланой, снова вскипала в нем волной.

Нахмурившись, он вынул ключи из кармана и попытался с размаху всадить их в замочную скважину. Это свидетельствовало о том, что философ крайне раздражен и состояние его близко к тому, чтобы учинить бунт.

Добров открыл дверь с четвертой попытки. В прихожей было темно, то же самое наблюдалось на кухне и в маленькой комнате, где, видимо, уже спал Димка. Синий свет пробивался из-под двери большой комнаты. Скорее всего Ольга смотрела телевизор.

Добров скинул плащ и рывком насадил его на вешалку. Уже сделав шаг к комнате, он вдруг передумал и заглянул на кухню. Открыв холодильник и вынув из него бутылку водки, он пропустил рюмку, резко выдохнул и почти маршевым шагом направился в гостиную.

Рывком открыв дверь, он щелкнул выключателем. Ольга сидела в кресле с телевизионным пультом и смотрела очередной американский боевик.

– Выключай эту ерунду! – безапелляционно потребовал Добров, принимая командорскую позу и вставая посередине комнаты.

– С какой стати? – спокойно спросила его жена, повернув голову.

– С такой, что я тебе сейчас устрою боевичок получше.

– Не поняла...

Ольга начала раздражаться. Мало того, что он обнимался с какой-то молоденькой дамочкой в дорогом плаще и блестящих туфлях, так еще и скандалы дома потом устраивает!

– Сейчас поймешь. Прочти внимательно вот это, – Добров подошел к креслу и положил анонимное послание прямо перед глазами жены, – и давай по порядку объясняй, что к чему и почему!

И стал внимательно наблюдать за тем, как задрожали губы Ольги, какое испуганное выражение приобрели ее глаза. Однако, пробежав записку несколько раз, она взяла себя в руки и спокойно сказала:

– Ну, задавай свои вопросы, как тебя просили в записке...

– Вопрос, по-моему, в этой ситуации, может быть только один – да или нет? – отчеканил Добров.

Ольга взглянула на мужа. Он был явно нетрезв и в таком состоянии был способен на разного рода неадекватные действия. Он, уперев руки в боки, грозно стоял перед ней. И она сочла разумным не накалять ситуацию, сказав:

– Садись спокойно на диван и послушай.

– Не беспокойся, у меня крепкая нервная система. Правду я смогу перенести и на ногах, – зло заметил Добров.

– В таком случае правда заключается в том, что наш сын – это наш сын.

– А в другом случае? – спросил Добров, явно неудовлетворенный ответом жены.

– В каком другом?

– Если бы я сел на диван, как ты предлагала, правда была бы другой?

– Нет, – тихо, но твердо сказала Ольга.

Она придерживалась выбранной тактики не раздражать мужа. Если бы он был трезв, она, возможно, и повела бы разговор по-другому. Однако сейчас она решила все отрицать.

Она еще не оправилась от потрясения, вызванного появлением перед ее глазами анонимного послания. И ее голову занимала мысль не о том, как лучше ей поступить с мужем, а то, кто является автором этого послания. Кто мог решиться на такой подлый поступок, кому это может быть надо?

Поскольку ответов на эти вопросы не было, в голове Ольги мысли еще больше путались и залезали одна на другую. Добров же, видя, что жена выглядит совершенно спокойной и даже отрешенной, наоборот, решил пойти в атаку.

Он подошел к жене, взял ее за плечи обеими руками и резко встряхнул.

– Ты будешь говорить правду или нет? – вскричал он.

– Саша, перестань орать!

Ольга собрала в кулак все свои силы и толкнула Доброва в грудь.

– Скандала еще только не хватало сегодня! – гневно воскликнула она. – Димка только что заснул, а ты здесь буянишь. Напился – так иди спи, и нечего здесь сцены закатывать! Я тебе, по-моему, ответила... А с тем, кто послал это письмо, надо еще разобраться. И я разберусь.

– Это я разберусь! – возразил Добров, покачнувшись от толчка. – Я! Прямо сейчас!

– Сейчас ты разбираться все равно не в состоянии...

Добров задумался, словно пытался выудить правильную мысль сквозь плотную алкогольную завесу.

– Ты знаешь Игоря Гордеева? – спросил он наконец.

– Да, знаю.

– Ну вот, – Добров горько усмехнулся. – Значит, все это правда?

– Что правда? Если то, что мы с Игорем были любовниками до того, как я встретила тебя, то да! – повысила голос Ольга. – Но когда мы с тобой встретились, то тебе было все равно, с кем я была до тебя.

– Так, хорошо. – Добров почти успокоился и даже присел на диван. – А после?

– Что после?

– После того как мы встретились, он продолжал быть твоим любовником?

– Нет! – выкрикнула Ольга.

– Так, пойдём дальше...

– Нет, Саша, дальше мы не пойдём, – Ольга решила перехватить инициативу, – дальше тебя поведу я.

Ей надоело выслушивать упреки в свой адрес, и она решила немножечко приструнить мужа, у которого рыльце было явно в пушку. Ольга прищурилась и, придав своему голосу как можно более ехидное выражение, сказала:

– У меня тоже к тебе есть вопрос. А то не дай Бог через несколько лет мне пришлют анонимку, где будет говориться, что у вашего мужа есть дети на стороне. Впрочем, тебя предостерегать уже наверняка поздно, и такой вариант уже вполне возможен.

Добров изумленно поднял голову и посмотрел на Ольгу.

– Я имею в виду ту дамочку, владелицу иномарки, с которой тебя, как я поняла, связывают отнюдь не деловые отношения...

Добров, несмотря на то, что все понял, нахмурился и прикинулся дурачком:

– Какую дамочку?

– Тебе номер машины сказать? Пожалуйста – 56734 НСР.

– Н-не знаю, – покачал головой Добров.

Он ответил правду. Номера машины Светланы он действительно не помнил.

– Ах, ну да, конечно, – на зад машины мы не смотрим. Мы предпочитаем другие задние части, – продолжила наступление Ольга. – Ты всегда изменял мне с брюнетками с большими задницами и четвертым размером бюстгалтера?

– Нет, – ответил с шумным выдохом Добров.

– Значит, эта у тебя первая?

Не дождавшись ответа от мужа, который теперь в свою очередь соображал, откуда Ольга узнала о его связи со Светланой, она сказала:

– Мне, в общем-то, все равно. Лишь бы она потом не предъявляла претензий... Надеюсь, что ты надежно предохраняешься. А то мало ли что – у нас все-таки сын...

Ольга, произнося эту тираду, нарочито сделала акцент на словах «у нас». Видя, что агрессивность Доброва сошла на нет практически полностью, она уже собиралась продолжить громить его дальше, как вдруг поразились догадке, которая пришла ей в голову.

«Стоп, откуда у него это послание? – подумала она. – Ведь в нем же говорится «у ВАШЕГО мужа есть сын!»

То есть выходит, что анонимка адресовалась жене Гордеева? Да, но как тогда оно попало к Доброву? Неужели они знакомы? Но как, каким образом?.. А что, если эта дамочка на иномарке и жена Гордеева одно и то же лицо?

Мысли бешеным роем закружились у нее в голове.

– Ты, кстати, мог бы использовать преимущества своего романа, Добров! – сказала Ольга. – Пускай бы твоя «новая русская» оздоровила наш скудный семейный бюджет. А то ведь трещит он по всем швам!

Произнеся эти слова, она решительно развернулась и вышла из комнаты.

Закрывшись на кухне, она начала размышлять по поводу того, кто же автор этой анонимки. Ее размышления, однако, окончились ничем. Выпив на ночь чай, она пошла назад в комнату, не включая свет, разделась и легла.

Мужа рядом не было.

Глава 7

Лариса решила посвятить этот вечер кулинарии. Она уже давно хотела испечь лимонные пирожные. Она поставила слоеное тесто в духовку и занялась приготовлением лимонного желе, которым надо было потом обмазывать готовый пирог.

«Скорее бы приехал Женя, что ли! – подумала Лариса, взбивая в миксере желтую, чуть щекочущую нос массу. – Что-то в последнее время он стал реже звонить. Уж не загулял ли?»

Лариса не обольщалась по поводу своего мужа. Она прекрасно понимала, какую жизнь ведут бизнесмены. Еще когда она пыталась работать вместе с ним, у нее было чувство, что тот постоянно как-то стесненно себя ведет. Неловкость и даже скрытое раздражение по поводу присутствия Ларисы рядом ощущались во всем: в жестах, в намеках, даже во внешне благожелательных фразах.

А после того как его коллеги пару раз устроили выездные заседания совета директоров в одной из городских бань с приглашением на совет девушек из агентств досуга, муж вообще стал посматривать на Ларису косо. Он-то на этих заседаниях присутствовать не мог в силу понятных причин.

После того как Лариса не появлялась на работе в течение недели – схватила грипп, – она заметила, что Евгений повеселел, настроение стало меняться к лучшему. Приходя домой, он не валялся раздраженным на диван, а, наоборот, демонстрировал готовность общаться с супругой и дочерью. С последней, правда, существовали объективные трудности – обычно Евгений появлялся дома, когда Настя уже спала.

И Лариса, трезво поразмыслив, решила отказаться от работы в фирме, которую возглавлял ее муж. Что же делать, если чужие женщины так поднимают ее мужу настроение, способствуют процветанию фирмы и, в конце концов, делают из него примерного семьянина?

Решение далось Ларисе нелегко. Она любила своего мужа и, как всякая нормальная женщина, не желала делить его ни с кем, пусть даже с продажными девками. А они, в общем-то, по большому счету женщинами даже в глазах пользующихся их услугами и не являлись, будучи всего лишь инструментом, позволяющим удовлетворить определенные потребности.

И Лариса, оставаясь практичной и трезвомыслящей женщиной, поняла, что надо придерживаться именно такого подхода. Так будет лучше.

Но все-таки давно он не звонил. Может быть, что-то случилось?

И в этот момент, словно отвечая на мысли Ларисы, в гостиной зазвонил телефон.

Лариса прислушалась к гудкам и разочарованно вздохнула. Увы, не междугородка. Подняв трубку, она услышала взволнованный голос Светланы Гордеевой.

– Лара, у меня новая информация.

– Что такое? – беспокоенно спросила Лариса.

– Меня снова шантажируют, и теперь уже, судя по всему, весьма серьезно.

– Рассказывай!

– Сегодня, спустя полчаса как я вернулась домой, мне позвонили. Грубый мужской голос сообщил, что у него имеются неопровержимые доказательства моей связи с Добровым, и предложил обсудить, как он выразился, условия взаимовыгодного сотрудничества.

– Он говорил что-нибудь конкретно? – нетерпеливо спросила Лариса.

– Пока нет. Все условия я узнаю завтра в два часа дня. Я должна подъехать на своей машине на улицу Железнодорожную, между Зарубина и Посадского. Он сам подойдет ко мне...

– Я поеду с тобой, – заявила Лариса.

– Боюсь, Ларочка, это невозможно. Он сказал, что я должна быть обязательно одна. И по его голосу я почувствовала, что он не шутит. Мне почему-то показалось, что, если я откажусь с ним встретиться, он тут же передаст эти свои неопровержимые доказательства Игорю.

– Ерунда. Тебя просто пытались, грубо говоря, взять на понт.

– Тем не менее...

– В общем, так, – прервала Гордееву Лариса. – Завтра ты ко мне не приезжаешь. Я тебе сама позвоню в районе двенадцати, и мы обо всем договоримся. Мне надо подумать, как лучше действовать.

– Ой, Лара, мне только и остается, что надеяться на тебя, – вздохнула на том конце провода Светлана.

– Я думаю, что мы прорвемся. А сейчас не волнуйся и ложись спокойно спать.

– Не могу я спать, – почти плача, проговорила Светлана.

– Прими снотворное, – сказала Лариса и вдруг подпрыгнула на месте, вспомнив, что в духовке у нее пирог. – Света, извини, у меня тут пирожные... Ничего не бойся и не плачь.

И положила трубку. Уже стоя около духовки, она подумала, что зря так резко разговаривала с подругой. Надо было бы помягче... Ладно, завтра она должна взять реванш и расправиться с неизвестным шантажистом. В конце концов важен результат.

А в том, что результат будет положительным, Лариса не сомневалась. Она была уверена в своих силах. Она выручила подругу из беды один раз, выручит и в другой. Ничего страшного...

Ее мысли прервал еще один телефонный звонок. Звонил Добров.

Он после разговора с Ольгой полежал немного в раздумьях и решил, не устраивая никаких сцен, уйти на квартиру матери. Жена даже не слышала, как он собрался и вышел.

По пути Добров изменил свои планы. Он купил бутылку водки и прямым ходом направился на набережную, где в скромной однокомнатной квартире проживал его непутевый приятель, кандидат исторических наук Сергей Семечкин.

Услышав резкий, требовательный звонок в дверь, Семечкин, уже успевший принять горизонтальное положение и собиравшийся отойти ко сну, раздраженно матюкнулся и поплелся открывать.

Увидев на пороге Доброва, он сморщился и ехидно промолвил:

– Боже мой, кого я вижу! Король волжских пляжей, пожиратель сердец впечатлительных богачек!

– Да пошел ты... гей недоделанный! – в тон ему огрызнулся Добров и показал бутылку водки.

Скептическое выражение лица историка изменилось на благожелательное, и он чуть посторонился, пропуская Доброва в прихожую.

– Серега, у меня проблемы, – сообщил Добров, снимая поношенные ботинки.

– Надеюсь, мое имя не значится в списке этих проблем, – скромно заметил Семечкин.

– Я думаю, что нет, – дипломатично ответил Добров.

– Ну что ж, пойдем разберемся. – Семечкин сделал приглашающий жест в комнату. – Из закуски у меня только соленья. Сам понимаешь, скромная кандидатская зарплата, богатых любовниц не держу...

Добров нахмурился и грозно посмотрел на коллегу, однако промолчал и прошел в комнату.

После того как оба приняли по сто грамм и когда Добров поведал о драматических событиях последних дней, Семечкин одарил Доброва сочувственным взглядом:

– Да, серьезное дело... Но на сей раз я здесь ни при чем. Я даже не знаю этого самого Гордеева. И Ольгу узнал только после того, как вы уже два месяца... того.

Добров бросил взгляд на изъеденное мелкими оспинами лицо Семечкина, но не увидел на нем никаких признаков лицемерия.

– Ой, я забыл совсем, надо позвонить одной дамочке, – спохватился Добров и потянулся к трубке телефона.

– Не доведет тебя эти дамочки до хорошего, – сказал Семечкин.

– Нет, ты не прав. Эта дамочка особенная, умная, решительная и вместе с тем очень участливая...

– У тебя каждая юбка особенная, Шура, – огрызнулся Семечкин.

Добров хотел было ответить, но только махнул рукой и набрал номер Ларисы...

Он не сообщил ей практически ничего интересного. Она лишь поняла, что его жена Ольга не подтвердила факты, изложенные в анонимке, но и не опровергла их.

Лариса не сказала Доброву о звонке Светланы. А то еще не дай Бог увяжется за ними, а его присутствие может помешать.

Она уже решила, что сопровождать подругу на встречу она поедет на своей машине и наблюдать за происходящим будет издалека.

Лариса была согласна с подругой в том, что на сей раз дело посерьезней, чем первоначальное послание Семечкина. Она вдруг вспомнила, что вчера, когда Светлана с Добровым уезжали, с противоположной стороны улицы прямо вслед за «Фольксвагеном» Светланы стартовала темно-синяя «Ауди».

Следовательно, каждый шаг ее подруги кем-то отслеживался. Ей предстояло выяснить, кем именно...

На следующий день в двенадцать Лариса созвонилась со своей подругой и рассказала ей о своем плане действий. Ее план состоял в том, что после того, как встреча состоится, она на своей машине отправится следить за шантажистом.

Когда Лариса без десяти два подъехала к месту встречи и припарковала «Вольво» неподалеку, «Фольксваген» Светланы уже стоял посередине маленького квартала между улицами Зарубина и Посадского.

Это было достаточно безлюдное даже для середины дня место. С одной стороны улицы Железнодорожной через весь квартал тянулись склады, принадлежавшие оборонному предприятию. Их стены были глухими, поскольку все выходы из складов располагались на территории предприятия.

С другой стороны улицы, опять же через весь квартал, протянулась девятиэтажка, однако все подъезды выходили во двор. Дом стоял буквой «П», на улицу смотрела как раз торцовая его часть. Ко всему прочему все происходящее на улице было скрыто от жильцов рядом высоких деревьев, посаженных вдоль дома.

Лариса припарковалась по диагонали от машины Светланы на углу. Со своего места ей было достаточно хорошо видно, что происходило около машины подруги.

Когда стрелки часов подошли к двум, Ларису охватило беспокойство. У нее появилось ощущение, что она что-то упустила из виду, и уверенность в успехе дела начала падать. Интуиция подсказывала ей, что сегодня предстоит использовать все свои навыки водителя.

А они были весьма недурными. Лариса даже полгода работала шофером в одной фирме, которую возглавлял муж ее подруги Саша Малеев. Он упрашивал ее остаться, но тут как раз возникла идея об организации собственного ресторана, и Лариса вплотную занялась новым делом.

Она чисто машинально взглянула на себя в зеркальце. Надо же, губы потрескались. Может быть, сменить губную помаду? В последнюю встречу Эвелина советовала ей бледно-розовый цвет, утверждая, что он лучше будет гармонировать с ее «платиновым» имиджем.

Неожиданно она боковым зрением отметила, что улицу перешел молодой крепкий мужчина в кожаной куртке и направился к «Фольксвагену». Лариса быстро схватила фотоаппарат, который специально захватила с собой, и навела объектив на мужчину. Она нажала кнопку в тот момент, когда он подошел к машине и небрежно постучал в боковое стекло.

Первое дело было сделано. Оставалось ждать, когда неизвестный покинет машину Светланы.

Время тянулось медленно. Что происходило в машине, Лариса не смогла бы увидеть даже в морской бинокль. Стекла в «Фольксвагене» были тонированными. Тем временем на улице не происходило ничего примечательного. Редкие прохожие: пенсионерка, молодая женщина, двое школьников...

Стоп, – Лариса пристально взглянула в глубину улицы... Молодая женщина, кажется, с интересом посмотрела в сторону «Фольксвагена», находившегося от нее на противоположной стороне улицы наискосок... И пошла навстречу машине.

Глава 8

Ольгу Доброву в то утро разбудил телефонный звонок. Незнакомый мужчина сообщил, что располагает информацией о тайной личной жизни ее мужа. Этой информацией он и будет рад поделиться с ней сегодня в два тридцать на улице Железнодорожной.

Ольга тут же заявила, что тайная личная жизнь мужа для нее особого секрета не представляет, и попросила представиться. Незнакомец назвать свое имя отказался, но прибавил, что информация у него совершенно потрясающая. При этом, как Ольга должна понять, по телефону он сообщить ее не может.

Поразмыслив секунду-другую, Ольга согласилась на встречу. Ей со вчерашнего вечера не давало покоя, кто является автором анонимки. А о том, что сегодняшний звонок и вчерашняя анонимка связаны между собой, сомнений у нее не было. Таким образом, пойдя на встречу, у нее есть шанс узнать, кто же все-таки отважился на такую подлость.

Она подошла к назначенному месту чуть раньше, за десять минут. Так как улица Железнодорожная в этом месте была малолюдной, Ольге не составляло особого труда оглядеться и понять, что незнакомый аноним еще не прибыл. Она заметила только пенсионерку и двух школьников, возвращавшихся с занятий. На противоположной стороне стояла белая иномарка с тонированными стеклами. Ольга машинально оглядела ее, и вдруг ее как подбросило.

Это же машина любовницы ее мужа, «новой русской»!

Именно этот номер она и запомнила вчера, когда сладкая парочка выходила из шикарного дома напротив супермаркета!

Ольга, повинувшись импульсу, пошла в сторону машины. В этот момент мотор «Фольксвагена» резко завелся, и машина со свистом колес стартовала с места.

Водитель направил автомобиль прямо на Ольгу.

Был лишь короткий момент страха. Она не успела по-настоящему испугаться, потому что потеряла сознание. От удара ее отбросило за проезжую часть, и она упала спиной на сырой газон.

Машина на большой скорости продолжила свой путь дальше и через несколько секунд уже скрылась за поворотом...

...Лариса оценила обстановку быстро. Она завела «Вольво» почти сразу же после «Фольксвагена». У нее потемнело в глазах, когда она увидела, что машина ее подруги поехала прямо на ту самую молодую женщину, которая, как ей показалось, пристально рассматривала автомобиль Гордеевой.

Лариса вырулила «Вольво» за поворот в тот момент, когда преследуемая ею машина уже достигла следующего перекрестка и поворачивала направо. Та же история повторилась и на следующем повороте.

Наконец, свернув на тихую Пугачевскую, она остановилась. Машина Ларисы с визгом тормозов спустя полминуты встала рядом.

Из «Фольксвагена» никто не выходил, и что происходило за тонированными стеклами автомобиля, оставалось для Ларисы загадкой. Она выскочила из своей машины и, подбежав к «Фольксвагену», схватила ручку двери водителя. Она, естественно, была заперта.

В этот момент дверца пассажирского переднего сиденья открылась, и из машины вылез тот самый крепыш, который сел в «Фольксваген» с полчаса назад. Он выглядел очень озабоченным и находился в состоянии крайнего нервного возбуждения. Лариса обратила внимание на то, что незнакомец был в перчатках. Она вспомнила, что, когда он садился в машину, перчаток на его руках не было. С силой захлопнув дверцу, он бросился бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.